

Судьба гусара

Автор:

Андрей Посняков

Судьба гусара

Андрей Анатольевич Посняков

Попаданец (АСТ)

Денис Давыдов, гусар, поэт, забияка! Он пишет стихи и басни, рвется на войну, дерется на дуэлях из-за красивейших женщин... И помнит, что эта эпоха – не его!

Душа нашего современника, почти полного тезки лихого гусара, угодила в чужое тело и в чужое время... молодой человек пытается найти пути выхода, однако оказывается втянутым в неудержимый водоворот событий, не дающих опомниться.

Он совсем почувствовал себя гусаром – и стал им. Поэтом, душой компании и тем, кого называли – хват! Чувство долга властно тянет молодого человека на войну с Наполеоном, и Денис хлебнет горестей военных действий сполна. И в Восточной Пруссии, под Фридландом и Прейсиш-Эйлау, и чуть погодя, в снежных лесах Финляндии, во время русско-шведской войны...

Андрей Посняков

Судьба гусара

Серия «Попаданец»

© Андрей Посняков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

В лучах восходящего солнца сверкнула сабля. Удар, звон! Соперник подставил клинок, потянул на себя с противным, рвущим душу скрипом. Снова удар... Денис отскочил, уклонился, пропустив слева от себя разящую сверкающую смерть. И тут же ударил сам...

Снова звон, отбив... и холодная ярость в темных глазах врага. Впрочем, нет, он все ж таки не враг, этот поручик Венькин. Просто дурак. Истинный ярмарочный дурень, «ванька», относящийся к женщинам так, как деревенщина-простолюдин. Нет, ну надо ж додуматься – ударить! Пусть и пьян был в умат...

Выпад... удар... потом наотмашь, хитро – вжик! На левом запястье Дениса закровянилась тонкая полоска – царапина. Хорошо, не по венам пришелся удар. С другой, противоположной, стороны.

Темные глаза поручика сверкнули злобой... Венькин – еще тот фрукт, особых друзей в полку не имел. Вообще у него никаких друзей не было, такой уж Венькин человек. Недаром собирался переводиться в другой полк... или вообще – на статскую... Это гусар-то!

Выпад! Укол! А-а-а, вот, шалишь, не достанешь. А ну-ка эдак вот, боком... и покружить, и покружить... Ага! Заволновался... Забегали, забегали глазки! Ишь, дернулся, нелепо так, со страхом... да и устал – по всему видно – устал. Фигурою Венькин длинный, сутулый, пусть и жилистый, но дохлый. Не то что коренастый крепыш Денис!

Неужели правда – на статскую? В присутствии штаны просиживать, по Табели – губернским секретарем. Не шибко-то! В гусарах-то, чай, повеселее будет. Впрочем, Венькин по жизни унылый тип, можно даже сказать – сумрачный, с этаким подлецом...

Вот и сейчас – кружил, кружил... Выпад! Эдак хитро, с уклонением... и, гад, прямо в шею целил... Был бы Денис ростом повыше – хана! А так... присел только... упал на одно колено и – выпадом! – достал-таки. Достал!

Слышно было, как треснула ткань на синей гусарской куртке-доломане. Красивой, с высокий красным воротником и белым витым шнурами. Другая, верхняя куртка – ментик – валялась неподалеку, в траве.

Удачный выпад угодил поручику в правую руку, в предплечье... туда, куда и надо было, Денис не хотел ни убивать, ни тяжело ранить.

На рукаве доломана выступила кровь. Покрывив тонкие губы, Венькин ловко переброшил саблю в левую руку. То же самое сделал и Денис – пусть силы буду равными. Дуэль так дуэль, все по чести.

Закусив губу, Венькин злобно зыркнул вокруг и бросился в атаку. Уже чувствовалось – из последних сил, уже не хватало ярости, и капала на траву темно-красная кровушка. Лицо поручика сделалось бледным, холеные тонкие усики задрожали... бессильно взмахнув саблей, Венькин вдруг оступился, упал, и выпавшая из ослабевшей руки сабля полетела в заросли таволги, да там и упокоилась, лишь эфес торчал, серебрился.

– Ну, все, все, господа. Кончайте!

Секундант – верный Бурцов, гуляка и рубаха-парень – подойдя сзади, похлопал Дениса по плечу:

– Кончай, кончай, ротмистр. Угомонись, хватит уже. Говорю, хватит, Васильич!

– Да я-то что? – пожав плечами, Денис искоса посмотрел на соперника. Тот уже поднялся на ноги, пошатываясь, поискал глазами саблю...

Тут подошли и другие секунденты – в синих, с белыми шнурами, доломанах и ментиках.

– Все, завязывай, парни! Венькин! Ты не слышал, что ли? Садись, перевязываться будем... Серега, давай бинты.

Разгоняя утренний мерцающе-белый туман, поднималось за деревьями солнце. Первые лучи его золотили листву высоких буков и лип, сияли на стволах молодых, выросших на самой опушке березок. Неширокая тропка, вырываясь из леса, взбиралась на холм, вилась по цветочному лугу. Ромашки, васильки, колокольчики. Анютины глазки. И еще какие-то мелкие желтые цветки – во множестве, словно солнышко вдруг наземь упало, разбилось, рассыпалось на тысячу осколков-цветов.

В светло-синем утреннем небе проносились разноцветные бабочки, пролетали над самой травой прозрачнокрылые стрекозы. А птицы! Как пели птицы! Рядом, в малиннике, соловей та-ак заливался! Аж душа сворачивалась, право слово.

– Это не соловей, Денис. Это малиновка.

– Да что ты, Бурцов, дружище?! Что я, соловья от малиновки не отличу? Мы ж с братом все детство – в имении, в деревне. Под Москвою, потом в Грушевке...

– О Грушевке твоей мы, однако, слышали. Ладно – пусть соловей.

Бурцов рассмеялся, залихватски закинув за плечо ментик, и, глянув на приятелей-секундантов, прищурил глаза:

– Однако что в полку говорить будем?

– А ничего не надобно говорить, господа мои, – Венькин, уже перевязанный, встал, опираясь на толстый ствол росшего рядом дуба. – Бумаги о моем

переводе пришли. Просто скажите – уехал. А пирушку прощальную не устроил... потому как друзей в полку не завел.

Поручик покусал губы, вздохнул и неожиданно для всех улыбнулся...

– Впрочем, непорядок это, чтоб без пирушки. Ежели не побрезгуете – прошу вечером в шинок. С шинкарем договорюсь, одни мы будем.

– Так, а ты сам-то? – Бурцов озадаченно почесал затылок. Вернее, хотел почесать – да высокий стоячий воротник не дал. Пришлось почесать макушку.

Кашлянув, Венькин хмыкнул в кулак:

– Так для моей раны, господа, вино как раз и будет кстати. А еще лучше – пунш!

– Вот это, Иван Иванович, по-нашему, по-гусарски! – потрянув светлой челкой, одобрительно воскликнул Бурцов. – Ты куда переводишься-то, ежели не секрет?

– В судебное ведомство ухожу, с повышением, – темные очи поручика сверкнули давно затаенною гордостью, смешанной с неким налетом фатовства – дескать, вот он я, какой хват, а вы-то думали... – И, между прочим не просто с повышением, а на два классных чина!

– Да ну ты! – подивился другой секундонт, Серега Пушкин, ротмистр. – Неужто на два?

– Говорю же – на два, – Венькин потупил глаза с деланой скромностью. – Сразу в коллежские секретари, а то – и в титулярные!

– В титулярные! Везет же некоторым, ага... – ахнул стоявший чуть позади всех молодой корнет Сашка Пшесинский. Ахнул и, подойдя ближе к Денису, шепнул: – И все равно. Променять гусар на каких-то судейских! Я б – ни за что.

– Эй, Денис Васильевич! – отвернувшись от раненого поручика, Бурцов поманил пальцем. – Вы уж помирились бы, что ли. Теперь уж – чего ж.

Денис повел плечом:

– Что ж, я не против. Однако же...

– Иван тоже не против. Иди.

Секунду помявшись, они все же пожали друг другу руки. Поручик и ротмистр. Иван Венькин и Давыдов Денис.

Какие холодные пальцы у Венькина! Ну да – кровь-то ведь потерял. Ах, поручик, поручик... Что ж ты с женщинами-то так? Право слово, может, и впрямь лучше тебе в судейских, а не в гусарах, нет.

– И все же, Давыдов, помни, – пожимая руку соперника, поручик вновь скривил губы, – полька эта твоя – стерва. Так и знай.

* * *

...так и знай... стерва-полька... сабли... дуэль...

– Денис! Да очнись же, Дэн! Ой, ой, смотрите-ка – очнулся! Ой, лицо-то какое... Девочки, надо его на телефон снять!

– Не надо меня снимать, – придя в себя, Денис – Дэн – замахал руками. – Лучше водки налейте. Осталась еще?

– Да есть...

Бахнули на круглый стол стаканы. Большие, граненые – где такие и взяли-то? Качнулось зыбкое пламя свечей... Кто-то из парней принес с кухни бутылку, забулькал...

– На, Денисушка. Пей!

Дэн хватанул полстакана – залпом, обжигая горло до слез. Не закусывал, не хотелось, хоть и предлагали девчонки:

– Возьми вот орешки... или бутерброд.

– Может, свет уже включим?

– Не-ет! Сначала пусть Дэн расска-ажет... Дэн, ты как?

– Да нормально все, – Денис постепенно приходил в себя и даже попытался улыбнуться, хотя чувствовал себя на редкость паршиво, словно после большой пьянки – с бодуна.

– Расскажу... попить только дайте... А что со мной было-то?

Грудастая блондинка Ольга – однокурсница – принесла воды все в том же граненом стакане. Ее подружка, субтильная брюнеточка Леночка, чуть смугловатая, с большущими синими глазами, заинтересованно махнула ресницами:

– И правда, Денис, расскажи! Неужто получилось у нас?

– Получилось? Выходит, так...

Дэн рассказал. Без особых красок, кратко. Про сабли, про дуэль, про поручика. Больше и нечего было рассказывать.

– И что, всё? – Леночка округлила глазищи. – А что это за полька, из-за которой дуэль?

– Не знаю я, что это за полька, – покачал головой Денис. – Я и видел-то только – дуэль, лес, гусары...

– Гусары! Ой, девочки-и-и...

– И больше – ничего.

– А давайте еще попытаемся! – азартно предложила Ольга.

Денис резко отказался:

– Нет уж! Что-то мне как-то не того.

– Может, еще водки налить?

– Уж спасибо, пойду. Поздно уже. То есть, можно сказать – рано.

Стрелки висевших на стене часов с Мэрилин Монро Энди Уорхола показывали половину пятого утра. Начинался день, из-за неплотно прикрытых штор уже пробивался зыбкий утренний свет.

Кто-то предложил вызвать такси, Денис отказался. Лучше было пройтись, собраться с мыслями, подумать – а что это такое было вообще?

– Лен, тебя проводить?

– Спасибо. Я у Оли останусь. А потом – сразу на лекции.

– Так, может, и останемся? – Юрик, приятель, азартно подмигнул Дэну.

– Не, не, мальчики. Нам выспаться надо еще.

Ага, выспитесь. Коли уже утро!

Юрик, кстати, жил неподалеку, в тесной панельной двушке, с родителями и породистым псом.

– Ну, нет так нет.

Выйдя из подъезда, парни попрощались и разошлись. Юрик – к себе, Дэн – к себе, на Пролетарскую. Там он снимал комнату у одной старушки. С третьего курса уже разрешалось в казарме не жить.

Свернув с широкого, безлюдного еще проспекта на тенистый бульвар, Дэн прошагал еще с полчаса, пока, наконец, не добрался до Пролетарской, почти полностью застроенной старыми одноэтажными домиками, совсем деревенскими, с огородами, палисадниками, заборами... У кого-то залаял пес.

Толкнув калитку, молодой человек поднялся на крыльцо и, стараясь не шуметь, отворил дверь в пристройку. Именно там он и квартировал. Отдельный вход – очень удобно и, самое главное – недорого.

Спать Дэн не собирался – все равно часа через полтора вставать – просто сбросил у порога обувь да улегся на старый диван, устало вытянув ноги. Мысли его, поначалу все более путанные, постепенно приводились в порядок. Порядок Денис любил, потому и поступил в академию полиции, с первого раза кстати. Учиться нравилось, к тому же одноклассники попались спокойные, ровные, как и сам Денис. Правда, что касается Ольги...

Она-то и подбила Юрика – а через него и Дэна – на спиритический сеанс. Мол, будем, как в старинные времена, вертеть столы да вызывать духов. Мол, она сама – медиум, да еще и очень даже хороший, только вот компании нет.

Медиум, о как! А через пару лет, между прочим, придет такой вот медиум в следственный комитет или в прокуратуру. Живые уголовные дела тоже с помощью потусторонних сил расследовать будет? Сам-то Денис, естественно, ни во что такое не верил, просто... не то чтобы за компанию с Юриком, а... Ольга и сама по себе девчонка красивая – кровь с молоком – на самбо так и ребят запросто через себя кидает, а, кроме того, имелась у нее и подружка – Леночка Крутова. Вот на эту-то Леночку молодой человек и запал!

Томная брюнеточка Леночка обладала некой утонченной аристократической красотой, такая барышня, ле фамм рафинерэ, словно бы сошедшая со страниц старинных любовных романов. Тоненькая, даже худая, с небольшой грудью и длинными ногами, с синими, как небо, глазищами, сверкавшими из-под почти всегда опущенных пушистых ресниц. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы, не короткие, но и не длинные, тонкая шейка, чуть вздернутый носик и пухлые, слегка приоткрытые, губки, которые хотелось целовать с такой неодолимой силою, что Денис чувствовал, как потихоньку сходит с ума. Ах, Лена, Лена!

Придет ли он вызывать духов? Это к Ольге-то? Да еще и Леночка Крутова будет? Наивный вопрос – пойдет ли...

Пришли. Он, Юрик, еще один длинный парень в очках – знакомый Ольги, и две девчонки. Вытащили на середину комнаты старинный круглый стол, задернули шторы, свечи зажгли. Еще блюдце с водой – меж свечами. Ольга сказала – надо. Ну, ей лучше знать, она же – медиум.

Первым вызывали Александра Второго – вышло как-то не очень. То ли государь к простолюдинам не захотел явиться, то ли обиделся на Ольгу – та на зачете его судебную реформу едва не завалила, так, кое-как сдала. Так что не откликнулся Александр, не соизволил.

Потом Юрка предложил – Абакумова. Очкарик – звали его Филиппом – лишь хмыкнул да спросил – почему сразу не Берию? Потом Ивана Грозного еще можно, то-то веселуха выйдет!

За Грозного девчонки сразу ухватились, вот, мол – здорово. То, что доктор прописал. Ольга еще добавила, что Грозного многие вызывают. Большой, видать, популярностью пользуется у медиумов первый русский царь! Прямо отдохнуть некогда, все вызывают, вызывают – являйся.

Не явился и Грозный. То есть Ольга-то, выпучив глаза, сказала, что «дух кровавого тирана» здесь присутствовал, но лично Денис вот почему-то этого никак не ощутил. Разве что штора слегка качнулась. Да и на вопрос ехидного ботана Филиппа относительно смерти царевича Ивана «Грозный» ответил уклончиво, примерно так же, как профессор Огородников с кафедры истории русского права. Точно, мол, неизвестно, но слухи ходили.

– То есть прямых свидетелей нет? – уточнил Юрик.

Резко распахнув глаза, Ольга погрозила ему кулаком – слишком уж громко спросил, вот дух и пропал. Они вообще очень нежные, эти духи.

Кто первым предложил вызвать знаменитого поэта и гусара Дениса Давыдова, Дэн сейчас и не вспомнил. Кто-то из девчонок: то ли Ольга, то ли Леночка.

Скорее, Ольга, не зря ведь она так обрадовалась согласию Дэна. Того ведь тоже так и звали – Денис Давыдов. Почти полный тезка! Только не Васильевич, как гусар, а Игоревич.

Мать Дэна, к слову сказать, умерла давно, Денису тогда не было и пяти лет. Отец, пенсионер МВД, бывший следователь, женился во второй раз, потом – в третий и от третьей жены имел уже ребенка, девочку. Славную такую. Дэн в их семью не лез: как только вырос, уехал учиться. Сначала в казарме жил, потом вот снял комнату. Отец к выбору сына отнесся скептически, сказал – «хлебнешь в нашей системе горя». Ну, как бы то ни было, а учиться Давыдову-младшему нравилось, интересно было.

Как так вышло, что Денис буквально провалился куда-то, молодой человек не понимал и сам процесс толком не помнил. Ольга, прикрыв глаза, что-то шептала да, поглядывая в блюдце, делала руками странные пассы. Дэн на все это смотрел, смотрел, потом вдруг – оп! – и в руке – сабля! И сам он – Денис Давыдов, лихой гусарский ротмистр! Дерется на дуэли за честь какой-то неизвестной польки...

– Ой, ты, Дэн, так руками размахивал, так глазами сверкал! – ахала Леночка. – А на вопросы наши ничего не ответил. А мы тебя, на минуточку, про любовь спрашивали.

Про любо-овь? Вот оно какое дело-то, ага.

Поднявшись на ноги, Денис подошел к полке, взял тоненькую брошюрку – монографию по «Русской Правде», открыл... Попытался вчитаться – подготовиться к сегодняшнему зачету. Только вот что-то мысли в голову никак не лезли. Вернее, лезли, но те, что надо – другие. Что это была за полька? Что за поручик? Об Алексее Бурцове, лучшем друге Давыдова по службе в Белорусском гусарском полку, Дэн знал – кое-что глянул о тезке в Википедии. Только о польке там не было... Или – было? Теперь и не вспомнить... Глянуть? Время-то еще есть, немного, правда.

Молодой человек потянулся к лежащему на столе нетбуку... Что-то защемило в запястье, над кистью правой руки... Царапина! Глубокая такая, длинная... Неужто... След от сабельного удара, блин!

* * *

– А ще кто всяд на чюж конь... а ще кто взядет на чюж конь...

Ольга старательно выговаривала старинные слова, но на зачете плавала. Ей явно светила несдача, а скоро, между прочим, сессия. Когда и сдавать-то? Бегай потом за этим старым чертом Огородниковым, ищи. Впрочем, чего его искать-то? Вот то-то и оно, что не профессор, а черт, ни одной юбки не пропускавший! Об этой слабости профессора все на курсе знали, знали и в академии, а даже ходили слухи, что кто-то из курсантов – какой-то молодой муж – на почве ревности бил Огородникову морду. Курсанта тут же отчислили, дело замяли – Огородников считался крупным специалистом, а какой-то там курсант... Одним меньше, одним больше, чего уж!

– А ще кто всяд на чюж конь... тому платить... тому платить... десять гривен!

– А, может, пятьдесят?

– Ой, профессор... Может!

– А что такое вообще гривна, милая девушка?

– Ой, это... это серебра такой кусок... с голову!

Изображая глупенькую беззащитную барышню, Ольга явно переигрывала, однако Огородников велся и на это, особенно – на коротенькую Ольгину юбочку. Прямо глаз с аппетитных девичьих бедер не спускал, козел старый!

– Вы знаете, Ольга... вам бы надо прийти отдельно...

– А я, как вы думаете, сдам?

– Думаю, сдадите... м-да-а... – растекался профессор, млел, шевелил редкими усиками, словно мартовский кот. Ольга, конечно, знала, каким местом придется сдавать, однако же не противилась, совсем даже наоборот. И никто ее за это не осуждал – слава богу, ханжей на курсе не было, всякий знал – каждый крутится,

как может. Такая уж жизнь.

Тем не менее Денису почему-то сделалось неприятно. Хотя, казалось бы – кто ему Ольга? Так, просто знакомая... медиум.

После зачета Ольга догнала Дэна на крыльце и, взяв парня под руку, заговорщически заглянула в глаза:

– Ну что? Сегодня еще попробуем? Раз у тебя все так клево сложилось. Ленка обещала прийти. Кстати, она про тебя спрашивала.

– А что выспрашивала? – насторожился молодой человек.

– Ну, всякое. Типа, кто ты да откуда.

– Так мы ж с ней полгода уже знакомы! Ты ведь и знакомила, не помнишь?

– Да помню, – сбегая с крыльца, Ольга махнула рукой. – Только вот она раньше тобой не особо интересовалась, а теперь почему-то – вот!

Дэн закусил губу. Странное томительно-нежное чувство вдруг нахлынуло на него, обволакивало душу и мозг. Леночка... обворожительное создание, вдруг стала интересоваться... кем? Коренастый, крепенький, с круглым крестьянским лицом и курносый носом, даже внешне похожий на своего знаменитого тезку, Дэн уж никак не походил на томного гламурного фрика, упорно пропагандируемого среди молодежи всеми российскими медиа. Разве такой парень, как он, мог понравиться столь утонченной девушке? И вот Леночка вдруг... Впрочем, очень может быть, что так просто спросила, из любопытства, а уж он, Денис, и рад. Уже настроил себе карточных домиков, нафантазировал... Что ж, бывает и так.

В этот раз он решил выйти к Ольге пораньше. Стоял конец мая, та чудная пора, когда холодное цветенье черемухи перемежалось пряным запахом трав, разносившимся по всему парку. Погруженный в себя молодой человек быстро шагал по аллее, в окружении цветущих акаций и лип, как вдруг кто-то окликнул

его по имени...

Юноша обернулся... и не поверил своим глазам – позади, у давно не работающего фонтана, показалась стройная девичья фигурка в синем коротком платье и накинутой на плечи джинсовой курточке. Лена!

Денис рассчитывал встретить ее у Ольгиного дома. Даже не рассчитывал, а так подгадал, чтоб обязательно встретить. Спрятаться за киоском и высматривать, ждать, а когда девушка появится, выйти ей наперерез – типа, заглянул вот, журнальчик купить, а тут – ты.

Так рассчитывал Дэн, а получилось все еще лучше – Леночка сама его окликнула, не нужно было и ждать.

Дальше пошли вместе. Конечно, не взявшись за руки, не под руку даже, но все равно рядом. Болтали... так, ни о чем, и это было Денису очень приятно. Леночка похвалила погоду, Дэн поддакнул, сказав, что вот в прошлом году в этакое-то время вдруг выпал снег. Правда, сразу и растаял, но ведь был же! Потом вдруг заговорили о музыке, оказывается, Леночка еще в школе играла на скрипке... и тут молодой человек не мог ничего толком сказать. Нет, и слух у Дэна имелся, и музыку он любил. Только вот не классическую, а немного иную. Русский рок и бардовскую песню... даже сам стишки писал да в старших классах баловался гитарой. Так, по-детски все, не на уровне... А Леночка вот музыкальную школу закончила... Шла вот теперь, болтала, смеялась, и от одного только этого Денису стало вдруг так хорошо, как никогда еще не было. Очень хотелось, чтоб нечаянная прогулка эта продолжалась бы... ну, если и не бесконечно, то как можно дольше... жаль, что так рано пришли.

Ольга встретила их радостным воплем:

– Ага! Явились – не запылились. Договаривались-то на восемь, а сейчас уже полдевятого.

– Да ладно. И не опоздали почти.

На столе уже горели свечи, и погасшая люстра погрузила комнату в романтический сумрак. Казалось, будто снаружи и не существовал современный мир, тем более гаджеты все отключили, сидели так... будто сто лет назад.

Как и вчера, был еще Юрик, а вот ботаник Филипп что-то нынче задерживался. Ну, да и бог с ним, не за-ради Филиппа тут все собрались.

– Может, придет еще, – Ольга поставила на стол блюдечко с водой и уселась на стул в чем была – по-домашнему, в коротенькой маечке и шортах.

Юрик искоса глянул на нее и вздохнул. Ну а что тут скажешь? Он, конечно, не профессор, и вообще парень не особо богатый. Хотя немного гламурный, да. Сам – дылда дылдой, а пиджачок со стразами нацепил. Все ради Ольги? Интересно, как у нее там с Огородниковым? Успела уже?

– Сначала Фредди Меркури вызовем, – напустив на себя самый серьезный вид, глухо произнесла «хозяйка спиритического салона». – А потом... потом – ты, Денистик! Ага?

– Угу, – в тон девушке отозвался Дэн. – Короче говоря – согласен.

Правое запястье его было замотано бинтом. Невидимым под длинным рукавом черной – тоже немножко гламурной – рубашки.

Входя в спиритический транс, Ольга закрыла глаза и вытянула вперед руки.

– Дух Фредди Меркури, явись! Явись! Явись!

По воде, налитой доверху в блюдце, пробежала легкая рябь. Наверное, дух знаменитого музыканта все ж таки отозвался... а скорее, просто качнулся стол.

Голые руки «хозяйки салона» покрылись мурашками, голова запрокинулась... и сама девушка вдруг задержалась, словно в припадке... и, что-то выкрикнув по-английски, затихла, резко распахнув глаза.

– Он говорил с нами! – восхищенно прошептала Леночка. – Дух Фредди Меркури... ага.

– Да, да, мы слышали! – Юрик взволнованно покивал головой и, погладив медиума по руке, вкрадчиво осведомился: – А ты сама-то как? Что-нибудь

чувствовала?

– Да нет, ничего... В тот момент это была не я...

– Поня-а-атно...

Сама Ольга выглядела сейчас уставшей, словно только что пробежала кросс, километров десять.

– Денис, – глянула на Давыдова Леночка. – Теперь – ты. Оль, ты сможешь его...

– Попробую, – голос юной хозяйки салона звучал глухо и как-то потусторонне. Еще бы, ведь через нее с ребятами только что общался сам Фредди!

По просьбе медиума Денис положил руки на стол и закрыл глаза. Ольга что-то забормотала монотонно и гулко... Молодой человек не вслушивался, лишь почувствовал легкую дрожь и внезапно разлившееся по всему телу тепло, а потом...

* * *

– Бурцов, ты – гусар гусаров! Ты на ухарском коне. Жесточайший из угаров и наездник на войне!

Забравшись на табурет, это декламировал сам Давыдов, при этом так размахивал руками, что Дэн всерьез забеспокоился – как бы с этого табурета не упасть!

Похоже, все дело происходило в казарме – обширная комната, солома на полу, какие-то нары и – меж нарами – длинный, грубо сколоченный стол, по сути – просто толстые, едва обструганные доски на козлах. На столе же...

На столе же чего только не было! Беспорядочно наваленные куски хлеба, моченые яблоки, какая-то дымящаяся дичь – рябчик, что ли – распластанная на большом серебряном блюде. Из объемистой кастрюли, выставленной на краю стола, с таким смаком тянуло кислыми щами, что хотелось тотчас же зажать

пальцами нос или, уж по крайней мере, выпить – бутылок на столе имелось в достатке. Большие, с серебряною фольгой – шампанское, еще какие-то зеленоватые штофы, наверное с водкой, и – ровно посередине стола – здоровенная белесая бутылка с какой-то коричневатой жидкостью, скорее всего виски... или ром, бывает ведь и такой – неочищенный.

По углам казармы валялись попоны и седла, на некоторых уже кто-то спал, залихватски распахнув доломан и вытянув ноги. Кто-то курил трубку, кто-то держал в руках карты. Правда, никто не играл, все, повернув головы, азартно внимали Давыдову.

– Умри, Денис, – лучше не скажешь! – вскочив на ноги, уже знакомый Дэну Бурцов высоко поднял бокал. – Так выпьем же, други, за нашего пиита! Дай бог ему!

– Дай бог! – хором отозвались гусары.

Спрыгнув с табурета, Денис схватил поданный кем-то стакан, чокнулся со всеми и тут же выпил. Сладковатый вкус виленской водки оказался не таким уж и обжигающим, не столь уж она и была крепкой, градусов тридцать пять или того меньше, вот уж поистине не водка, а «столовое вино».

Сие понятие – «виленская водка» – всплыло в сознании Дэна само собой, как только юноша почувствовал вкус... как оказалось – весьма хорошо знакомый. Конечно же, не Дэну – а Денису Васильевичу, чья коренастая фигура как раз и отразилась в засиженном мухами зеркале, висевшем в простенке меж окнами. Синий, с белыми витыми шнурами, доломан, расстегнутый на груди, синие же чакчиры – узкие, в обтяжку, штаны. Круглое лицо с задорно задранном носом, лихо закрученные усы. Красавец-гусар, гроза женских сердец и предмет воздыхания уездных барышень... впрочем, не только уездных.

– Ах, Денис, Денис, – поставив опустевший бокал на край стола, Бурцов подошел к приятелю и, обняв его за плечи, залихватски подмигнул остальным:

– Неча меня славить, друже. Нынче не мой праздник, а вон его!

С этими словами гуляка-ротмистр указал на скромно притулившегося в уголке гусара, совсем еще молоденького парнишку, худенького подростка лет

пятнадцати на вид. Узкое, почти детское лицо с трогательными ямочками на щеках, подбородок, еще не знавший бритвы, темные волосы, серые большие глаза... и румянец, совсем девичий, юный румянец. Юношу этого Дэн тотчас «узнал», как и Бурцова: Сашенька Пшесинский, корнет, один из секундантов недавней дуэли с Венькиным.

– Ай, Александр! – подскочив к корнету, громко воскликнул Денис. – Тебя ж в гусары принять пора! И как это мы запомнили-то, братцы? А ну-ка, жженки! Жженки ему!

Оживившиеся гусары тотчас же соорудили жженку: плеснули в плошку рому, посыпали сахаром от головни, прикрыли перекрещенными саблями... Кто-то поднес свечу, ром вспыхнул таинственным голубоватым пламенем... которое тут же затушили с шумом открытым шампанским!

Давыдов лично вручил питье покрасневшему от скромности корнету:

– Ну, пей, Сашка! Посмотрим, какой ты есть гусар!

Мальчишка скривился, но послушно сделал глоток... а там и второй, и третий...

– До дна! До дна! До дна! – радостно скандировали гусары.

Осушив-таки сосуд, Сашка ухарски бросил его на пол.

– Ай да хват! – Бурцов с размаху хлопнул юношу по плечу и тут же бросил клич: – А ну-ка, господа, поддержим! Гусары мы или нет?

Хлынула по бокалам жженка, Давыдов же взобрался на табурет, встал, картинно вытянув руку:

Ради бога, трубку дай!

Ставь бутылки перед нами,

Всех наездников сзывай

С закрученными усами!

Чтобы хором здесь гремел

Эскадрон гусар летучих,

Чтоб до неба возлетел

Я на их руках могучих!

Под восторженный рев гусар тут же и выпили. Потом подхватили на руки захмелевшего корнета, принялись качать, подбрасывая к самому потолку, пока непривычному к таковым возлияниям пареньку не стало худо. Тогда отпустили, усадили за стол, налили:

– А вот, друже Сашка, хрястни-ка!

Сашка хрястнул – куда деваться? – да, уронив голову на руки, тут же и захрапел. Остальные же продолжили пиршество, допили и шампанское, и жженку, и сладкую виленскую водку. Кстати, вот тут-то Дэн, к своему большому удивлению, вдруг обнаружил, что вовсе не является простым наблюдателем в теле поэта! Отнюдь! Оказывается, он мог влиять на всё.

Он вовсе не хотел напиваться... и пил все меньше, не допивал, пропускал тосты и, вообще, не очень-то и захмелел – конечно, с точки зрения гусара. Голова-то кружилась, а из души рвались наружу стихи:

Жизнь летит: не осрамися,

Не проспи ее полет.

Пей, люби да веселися! —

Вот мой дружеский совет.

* * *

– Э-эй, Денис! Ты в порядке?

Дэн распахнул глаза, с удивлением оглядывая полутемную комнату и круглый, с горящими свечами, стол... Господи Иисусе! Кто все эти люди, черт побери?

Гусары где? Бурцов?

– Дэ-эн!

– Надо к шинкарю послать, за водкой. Я знаю в Звенигородке один знатный шинок. Слугу моего, Андрюшку, и пошлем...

– К кому послать? – Сидящие за столом удивленно переглянулись.

– Какого Андрюшку? – Ольга округлила глаза и вдруг покладисто покивала. – А, Денисик, понятно. Ты водки хочешь? В холодильнике есть, папина. Принести?

– Водки? – похлопав ресницами, Дэн, наконец, окончательно пришел в себя.

Глянул на всех... и улыбнулся:

– Ох, ребята! Что я вас сейчас расскажу! Не поверите.

– Почему ж не поверим? – ободряюще кивнула Леночка. Синие больше глазищи ее прямо горели от любопытства. – Ты, Дэн, рассказывай. А Оля пока водку принесет.

– Не-не-не, – запротестовала хозяйка салона. – Пока не принесу, Денис, молчи! Я сыр... Сыр вот только порежу... и огурец.

– Интересно, кто ей сказал, что я хочу водки, – покачал головой Денис.

– Так ты ж и просил! Только что! – хором подтвердили все.

– Я просил?

– Ты!

– Тогда выпьем... Или мы не гусары, а?

Следующий сеанс договорились провести через неделю – приезжали Ольгины родители, так что негде было. Ровно через неделю же, справив свои дела, предки «медиума» возвращались на дачу, и «спиритический салон» открывался вновь.

Денис едва дождался конца этой столь долго тянувшейся недели! Ему так хотелось поскорее увидеть Леночку, услышать ее голос, поддержать за руку... утонуть в синих глазах! В конце каждого дня юноша мечтал, лежа на диване и устремив глаза в потолок. Кто знает, может, у них – у него и Лены – еще все и сладится, не зря ведь девушка так интересовалась им, расспрашивала. А как она слушала! Каким неподдельным восторгом горели ее глаза! Нет, определенно, что-то такое завязывалось в ее сердце... ну, так же не может быть, чтобы вообще ничего.

Лежал Дэн. Смотрел в потолок. Мечтал. Надеялся.

И вот, наконец, неделя прошла...

Он летел на сеанс, как на крыльях. Загодя сговорился с Ольгой, созвонился... Вот и знакомый подъезд, лавочка... Что-то Леночки нигде не видать. А уж пора бы – время. Запаздывает что-то томная синеглазая красотка, запаздывает... Ну, мало ли у красивой девушки дел?

– Кого ждем? – окликнул, подойдя, Юрик. – Ленку? Так она, может, там уже.

И впрямь! Может, и там. Как же он не подумал? Сидит тут, глаза мозолит...

Лифт. Пятый этаж. Звонок в дверь...

– Иду, иду уже. Заходите.

– А что... Лены нет еще?

– Опаздывает подруженька. Без нее начнем, ага. Кстати, от родителей коньяка полбутылки осталось. Это тебе вместо водки, Денис!

– Далась вам эта водка... Ну... дай-ка, свечки зажгу...

Снова знакомая полутьма и горящие свечи. И таинственный голос медиума, и...

– На этот раз Николая Второго вызывать будем, – тихо промолвила Ольга. – Спросим, как там у него с Матильдой. Я фильм недавно смотрела – угар!

– Николая так Николая, – Денис покладисто покивал. – А Лена...

В этот момент затрезвонил какой-то модной песнею мобильник. Видать, Ольга забыла выключить – тот еще медиум, ага.

– Да, але-е... Ой, привет, привет... Ты чего опаздываешь? А, вон оно что... Ну, удачи! Как говорят французы – бон вояж. Смотрите там, не особо-то балуйте!

– Ленка, – выключив смартфон, пояснила «хозяйка салона». – В Испанию с женихом уехала. Вот так вот, скоропостижно. В Калелью, это где Барселона.

– С кем уехала? – Дэн не поверил своим ушам.

– Так я ж и говорю – с женихом, – деловито расставляя стулья, пояснила Оля. – Есть так у нее какой-то. Серьезный до ужаса! Старше ее раза в два, но богатый! Топ-менеджер, ага. Вот ведь повезло Ленке! С таким-то мужем можно и не учиться, и вообще...

Ольга еще что-то говорила, Денис не слушал. В голове его возник полный сумбур, а в сердце... о сердце лучше и не рассказывать! Еще бы... Все наивные мечты его вдруг разлетелись в прах одним махом. Просто вдребезги. Наверное, оттого и разлетелись, что были такими наивными, прямо по-детски. Леночка ведь, надо отдать ей должное, никакого повода не давала. Это он, Дэн, что-то такое себе нафантазировал... Спрашивается – зачем? А затем, что больно уж понравилась Денису эта утонченно-томная девушка, так понравилась, что...

Ну, и нечего было! Так сказать – на чужой каравай рот не разевай. Так он, Дэн, и не разевал особо-то... разве что – только в мечтах. Как-то раз представил даже, будто Леночка пришла к нему в гости. А у Дениса как раз было жарко натоплено, и гостя быстро скинула с себя свитерок, осталась в одном лишь изысканном

кружевном белье... ну, и в рваных джинсиках, которые...

– Э-эй! Ты там заснул, что ли? Может, водки налить?

– А давай, – неожиданно согласился юноша. – Водки так водки. Юрик – составишь компанию?

– Запросто. Оль, ты с нами?

– Да вы что, сдурели – водки? – отмахнулась хозяйка. – Я – вино. Но только после сеанса... Вам, так и быть, налью. Пейте. Только быстро, ага?

Дэну было все равно. После такого вот... нет, не предательства – что же, Леночка его предала, что ли? Подумаешь, замуж выходит. Все правильно, почему бы и нет. Только от чего ж тогда так тошно на душе?

– Ну, давайте уже начнем, – опрокинув стопку, Давыдов махнул рукою.

Ольга вальяжно кивнула, уселась поудобнее, велев всем взяться за руки и закрыть глаза...

– Дух Дениса Давыдова, гусара и поэта, явись!

* * *

– А давайте поедem к женщинам! – поворочавшись, предложил Бурцов. – А то тут тюфяк какой-то... точно! Не соломой набит, а старым сеном.

Денис протянул руку, помял матрас товарища и хмыкнул:

– Привередничаешь! Корова бы не отказалась от такого сена, друг Алексей!

Расположившиеся в казарме гусары грохнули смехом. Дэн же прикусил язык – фраза-то была не Дениса Васильевича – его. Из старого советско-финского фильма «За спичками».

– Корова бы точно не отказалась, – расхохотался в ответ Бурцов. – Только мы-то с вами, господа, не коровы... А бычки!

– Бурцов, ёра, забияка, собутыльник дорогой! – тут же выдал Денис. – Ты куда мою гитару дел... бычок?

– Так ведь мы к девам поедem, – Алексей – Алексей Петрович, – тряхнув челкою, рассудил вполне философски. – А им гитара ни к чему! У них – рояль. Вы ведь, друг мой, и на рояле умеете?

– Бренчу помаленьку, – Денис Васильевич отмахнулся и придал лицу самый комичный и смешной вид, который бывает, верно, только у каких-нибудь сутяг или судейских. Состроив уморительную физиономию, почмокал губами и, строго глянув на приятеля, произнес с неким хлюпаньем, отдаленно напоминающим французский прононс:

– Господин ротмистр! Вы игнорировали мой вопрос относительно гитары.

– Гитара, гитара, – под общий хохот отмахнулся Бурцов. – На сеновале, верно, где-то лежит.

– Это ты там для лошадей музицировал?

– Да что там для лошадей! Даме сердца серенады пел. Твои, между прочим. Помнишь? Он – гусар, и не пускает мишурою пыль в глаза; у него, брат, заменяет все диваны – куль овса! Ну, у меня не овес... сено.

– Сено у него, – один из гусаров, князь Сергей Иванович Пушкин – или попросту – Серега – от смеха аж заикался, и случившийся рядом приятель похлопал его ладонью по спине. – Сено, видите ли... ой, не могу... Нет, вы слышали, господа? Право же, слышали?

Денис Васильевич Давыдов поднялся на ноги – молодой двадцатилетний хват, в любой момент готовый к любым подвигам: и к пиитическим, и к боевым, и к любовным. Подкрутил усы, оглядел всех орлиным взором:

– Пардон муа, месье! Так мы едем или так и будем сено жевать? Между прочим, скоро стемнеет.

– Едем! – хором закричали все. – Конечно же, едем, господа.

Даже юный корнет Сашенька Пшесинский – и тот восторженно заорал, поспешно натягивая сапоги, что же говорить о других! На Сашеньку, кстати, Денис сильно рассчитывал: польская пассия господина ротмистра не понимала по-русски ни бельмеса, что же касемо языка французского – так и с ним дело обстояло не лучше. А Сашенька все же был поляк... хотя бы наполовину.

Пара минут, и гусары уже натянули доломаны, набросили на плечи ментики, надели кивера... Видел бы отец командир, полковник Яков Федорович Ставицкий! То-то уж задал бы жару своим сорвиголовам! Еще бы, по уставу-то ментики-доломаны и прочее полагалось носить в бою и на парадах, в обычной же, мирской, жизни гусару полагался темно-зеленый пехотный вицмундир или темно-зеленый же сюртук с эполетами. Сюртук! Ну какой, мать ити, сюртук, когда к женщинам ехать?

Так что – доломаны-ментики, шелковые шнуры, серебряные пуговицы, сумки с вензелями – ташки! Красота – убойная – любая ля фамм или мадемуазель едва взглянет – и все, пропала, голыми руками ее бери! И ведь брали... За тем, собственно говоря, сейчас и ехали.

Кликнули слуг, быстренько заседлали коней, пользуясь тем, что командир полка был в отъезде, а дежурный ротмистр – свой из своих.

Часовые распахнули ворота, и вся лихая команда вылетела со двора бодрым кавалерийским аллюром, сразу же взяв курс на селенье Звенигородка, точнее сказать, на усадьбу отставного пехотного майора со звонкой фамилией Петров-Задунайский, служившего еще под началом самого графа Суворова. Такой лихой рубака просто не мог не приветить гусаров... хоть те и незваными гостями явились.

Про помещика и бал первым узнал Бурцов, а от кого именно – не рассказывал, как Денис ни пытал. Скорее всего, здесь была замешана дама, и вовсе не обязательно свободная девица или вдова... Впрочем, в те времена свободных

девиц не было даже в понятии: подрастали девки и лет с тринадцати уже считались на выданье. А уж если в семнадцать не замужем, так считается – старая дева!

Миновав кленовую рощицу, гусары вылетели в распадок, взлетели на холм... Перед глазами раскинулась Звенигородка, обширное селение, утопающее в садах. За холмами, за дальней дубравою, садилось солнце, играя последними лучиками на неширокой речке, полной купающейся ребятни. По пыльным улицам пастухи гнали стадо, буренки басовито мычали да помахивали хвостами, отгоняя оводов и слепней. На главной площади располагалась небольшая одноглавая церковь, судебное присутствие и приземистое здание почты – оно же и постоянный двор.

При въезде в селение, на тракте, стояла полосатая будка. Будочник – отставной солдат в белой фуражке без козырька – завидев несущихся гусар, тут же выскочил и вытянулся во фрунт, приветствуя лихое воинство:

– Добр-здр-я, ваш бродия!

– И тебе не хворать, Семен, – кто-то из гусар на скаку швырнул будочнику монету, и тот еще долго благодарственно кивал, глядя на исчезающих в дорожной пыли всадников.

– Куда это они, дядько Семен? – опасливо выглянул из-за будки босоногий мальчик в рубище, с растрепанной копной белобрых, давно не мытых волос. – Неужто война? Напал все-таки Бонапартий!

– Типун тебе! – старый солдат рассерженно сплюнул и перекрестился, пытаясь схватить парнишку за ухо.

Однако прежней ловкости в руках, увы, давно уже не было, сорванец без труда увернулся, и будочник лишь погрозил кулаком.

Промчавшись по площади, гусары обогнули стадо, взяли от площади левее и осадили коней возле шинка. Шинкарь – хитроглазый еврей в черном лапсердаке и соломенной шляпе, – завидев гостей, с готовностью выбежал со двора, улыбаясь и беспрестанно кланяясь:

– Таки да! Таки пожаловали, дорогие гости! А я что говорил? Сара, Сара, ты только глянь, кто к нам приехал!

– Мы ненадолго к тебе, дядько Лазарь, – с ходу осадил Бурцов. – Водка есть?

– Обижаете!

– А шампанское?

Услышав про шампанское, шинкарь пригладил седую бороду и сделал лицо человека, убитого нешуточным горем:

– Увы, любезные господа. Ежели вы насчет шампанского – так таки нет! Драгуны вчера проходили, заглянули попить. Так все ж и выпили!

– Ну, драгуны известные сволочи. Так все и выпили?

– Ничегошеньки не осталось, здоровьем клянусь. Скажи, Сара, ага?

Дядька Лазарь оглянулся, ища поддержки жены... однако ее-то и не последовало. Скорее, наоборот.

– Шампанского таки нет, – откуда-то изнутри корчмы донесся утробный голос. – Однако же, Лазарь, ты что же, забыл про вино? Вкусное красное вино, ах, как оно нравится дамам! Так нравится, так...

– Ты еще скажи, что оно французское, – удерживая коня, хохотнул Денис. – Вот уж ни в жизнь не поверю.

– Зачем французское? Из Бендер, – шинкарь повел плечами. – Но, господа мои, ничуть не хуже! Дюжину бутылок отдам буквально за просто так. Для вас только!

– А твои «просто так» – рублей пять, а, дядька Лазарь? – прищурился Бурцов.

– Обижаете, господа! Чтоб я вам пятирублевое вино продавал? Семь с полтиной!

– Семь с полтиной? – тут уже округлил глаза и Давыдов. – Да я третьего дня на базаре Монтеня за такую цену видел! Парижское, между прочим, издание. А тут... Семь с полтиной за дрянное бендерское вино?

– Таки не такое уж оно и дрянное, любезнейшие господа! Вот, извольте отпробовать... Сара, Сара, стаканчик налей.

Супруга шинкаря Сара оказалась весьма дородной особой с необъятной талией и круглым красным лицом, обрамленным когда-то черными, а ныне уже заметно поседевшими и поредевшими кудрями.

– А вот, прошу вас, господа!

Гусары переглянулись и хмыкнули. Чего уж! Сказано – «стаканчик» – так стаканчик Сара и вынесла, ни больше, ни меньше.

Пятерым повезло сделать по глоточку...

– А ничего, – почмокав губами, резюмировал Бурцов. – Терпкое. Чем-то похоже на бордо.

– Скорей, на бургундское, – ротмистр князь Серега Пушкин скорбно покачал головою. – Что ж, берем и это, други. Или в другую корчму заглянем?

– Некогда уже в другую, Сергей. Эй, дядька Лазарь. Уложи-ка бутылки в корзину... а лучше в мешок. И соломой проложить не забудь.

– Не извольте беспокоиться, господа.

Купив дюжину бутылок бендерского вина и ведро сладковатой виленской водки, гусары на рысях понеслись дальше, на окраину Звенигородки, в усадьбу суворовского ветерана Михайлы Феклистовича Петрова-Задунайского.

Пока задержались в шинке да пока ехали – уже и совсем стемнело. В окружении мерцающих звезд выкатилась на небо сверкающая серебряная луна с обгрызенным боком. В палисадниках залаяли, загремели цепями псы. Гусары

озадаченно придержали коней.

– Ну, и где усадьба?

– Вроде тут должна быть. Там старый дуб еще, сколько помню.

– Так вон же он, дуб!

– Это, Сашенька, не дуб. Это липа.

– А дуб тогда где?

– Хороший вопрос, Александер!

– Я не пойму, господа. Мы что же, заблудились, что ли?

Денис громко расхохотался и покачал головой:

– Право слово, заблудились! Кому рассказать – вот ведь смеху-то.

– Ой, господа гусары... Смотрите-ка! Вроде бы как – огни...

Корнет Сашенька Пшесинский указал рукою. Все повернули головы и притихли... Увидели невдалеке, за кустами, мерцающие огни свечей, слышали веселые голоса и смех.

Не прошло и пары минут, как гусары уже спешили во дворе обширной усадьбы. Сам хозяин, Петров-Задунайский, крепенький добродушный старик в шелковом кафтане и екатерининском парике, встретил незваных гостей радушно:

– Гусары! Ах, гусары. Как вас видеть рад. Что припозднились? Ой, о чем я? Хорошо, что хоть так приехали.

Бросив коней вмиг подбежавшим слугам, гусары по очереди облобызались с хозяином и его супругой – седенькой и сухонькой Натальей Ивановной, в силу своего возраста уже начинавшей откровенно зевать.

– Мы ведь тут, в деревнях, обычно рано спать ложимся, – с улыбкою пояснил ветеран. – Да и встаем – с солнышком. Вот Наталья-то Ивановна и... Ну, пошлите, пошлите к гостям. Вы их всех, я думаю, знаете.

Ну, конечно, знали. Приезжих не было, а все местные были промеж собой знакомы давно, а некоторые – довольно близко. Раскланявшись, пожав руки и расцеловавшись, вновь прибывшие гости расселись за длинным столом, накрытым прямо в саду, среди цветущих яблонь и вишен.

Опустившийся вечер был изумительно тих и спокоен – ни ветерка, даже ни дуновения. Тем не менее было вполне комфортно – не жарко и не холодно – еще не началась та изнуряющая летняя жара, которая частенько случается в Малороссии.

Шныряли туда-сюда слуги с подносами. В высоких подсвечниках ярко горели свечи. Пахло французскими духами, свежесваренной ухой и мускусом. Гусары лукаво поглядывали на собравшихся за столом дам и поддерживали светскую беседу, крутившуюся вокруг одной из самых модных ныне тем – международной политики и, конечно, Наполеона.

– Ах, господа, говорят, Буонапарте – это такой шарман!

– Узурпатор он, а не шарман, Валерия Ниловна.

– О да, да, согласна с вами, милейший Викентий Петрович. Узурпатор и terrifiant... однако же – и шарман. Ах, вы слышали, как изменилась при нем французская мода? Дамы из общества, пардон, почти голые ходят. *La mode a la Greece Ancien*.

– Хотелось бы посмотреть на таких дам! – не выдержав, расхохотался Бурцов.

Сидевший рядом хозяин бала наклонился к ротмистру и что-то зашептал, заговорщически улыбаясь и похлопывая собеседника по плечу.

Алексей (Это ёра Бурцов-то!) округлил глаза и восхищенно присвистнул. Интересно, что ему такое сказали?

Впрочем, у Дениса Давыдова голова болела сейчас вовсе не о том. Среди собравшихся дам гуляка-гусар безуспешно выискивал глазами пылкую польскую красавицу Катаржину, с которой познакомился с месяц тому назад на одном из подобных же балов. Катаржина приехала из Белостока, навестить свою кузину Ванду Василевскую, проживающую с мужем в Звенигородке, о чем Денис Васильевич узнал уже с чужих слов, ибо красавица Катаржина ни бельмеса не понимала по-русски да и по-французски говорила вкривь и вкось.

Дэн физически чувствовал, как мысли о польке уже заняли всю его голову, ни о чем другом молодой человек и думать-то уже не мог... и не хотел, если откровенно. Почему-то Денис не видел за столом ни Катаржины, ни ее кузины с мужем. Не пригласили? Не позвали? Маловероятно. Да, Василевские – дворянчики те еще, можно сказать – голь-шмоль, но все же общество в Звенигородке не такое уж и большое, а, по правде говоря, и вовсе маленькое, каждый человек на счету. Тем более – каждая дама.

– А вот, господа, давайте в карты поиграем!

– А может, потанцуем все же? Не хотите ли вы танцевать, господа? *Voulez-vous danser?*

– Мазурку! Мазурку давайте!

– Или полонез!

Привстав, хлебосольный хозяин махнул рукой. Крепостные музыканты бодро заиграли мазурку. Все тут же пустились в пляс... все, кроме Дениса Давыдова. Тот все высматривал свою польку... да, так и не высмотрев, махнул рукой и, подкрутив усы, бросился танцевать мазурку.

Когда музыка кончилась, лихой гусар все ж таки улучил момент и, ничтоже сумняшеся, спросил про Василевских хозяйку, любезную госпожу Наталью Ивановну.

– Василевские? Ох, Денис, Денис! – старушка шутливо погрозила Давыдову пальцем. – Знаю, кто тебе нужен. Ну тянуть не буду – обещались быть. А уж чего так припозднились – не ведаю.

Окрыленный надеждой гусар сразу же почувствовал себя куда веселее и даже ринулся было танцевать полонез, да не успел – музыка кончилась, и гостей вновь попросили к столу. Подали очередное блюдо – гуся, жаренного с яблоками и гречневой кашей, к гусю, как и подобает, – наливочки... ну и гусарского вина. Никто ведь и не сказал, откуда оно, все считали – французское. Дамы пили да нахваливали, щурясь от удовольствия.

Хозяйка, Наталья Ивановна, сославшись на усталость, вскорости отправилась спать, уехали восвояси и некоторые гости... а Василевских все не было, и это заставляло Давыдова нервничать. Ах, Катаржина, та *petite amie*, неужели же так и не удастся свидеться?

Под гуся и водочку завязалась неспешная дружеская беседа. Хозяин, старый майор Михайла Феклистович принялся вспоминать былые сражения, походы под началом славного графа Суворова, тогда еще – генерал-аншефа. Вспомнил и про Давыдова:

– Знаю, знаю, Денис Васильевич, дорогой, как граф тебя с братцем привечал! Об том Александр Васильевич как-то рассказывал, как у родителей твоих гостевал.

– Когда мы с братом были детьми, – ностальгически покивал Денис. – Александр Васильевич тогда предрек мне военную карьеру. Брату же – статскую. А вышло – что и он по моим стопам пошел.

– Ну, что ж, братцы, – Михайла Феклистович неожиданно подмигнул гусарам с самым заговорщическим видом. – Не хотите ль взглянуть на греческие улады мои? И от тех улад угоститься.

– Что еще за улады такие? – мигом заинтересовались гости. – А ну-ка, любезнейший господин майор, покажи!

– Так я и собираюсь. Только – тсс! Без дам надобно.

Ну, без дам так без дам...

Тайненько, по одному, по два, господа гусары вслед за гостеприимным хозяином проследовали на задний двор. Там тоже простирался сад, только устроенный на особый манер, по образцу знаменитого француза Ленотра – с четко разбитыми аллеями, аккуратно подстриженными кустами и ажурными деревянными беседками, густо увитыми лозой и плющом.

Все это освещалось горящими факелами... кои держали в руках нагие юные девы, стоявшие на постаментах на манер греческих статуй!

– Вот он мой греческий парадиз! – не преминул похвалиться хозяин. – Девки – все крепостные мои, так что ежели какая кому приглянется – против не буду. Угощайтесь, господа мои!

– Вот это да! – восхитились гусары. – Ай да Михайла Феклистович, ай да хват! Видим, видим – есть еще порох в пороховницах.

Лишь Сашенка Пшесинский покраснел... ну, это он от молодости, верно. Впрочем, и Дэна это все тоже как-то корбило. Как-то вдруг не по себе стало. Еще бы! Совсем молоденьких крепостных девчонок вдруг заставили раздеться и выстроиться в ряд для obsługi подвыпивших гостей. Это ж надо было до такого додуматься! Какая уж там нравственность...

Пара гусаров уже повела в беседки сисястых дев, кто-то еще выбирал, приглядывался... в том числе – и закадычные друзья: Денис Давыдов с Алексеем Бурцовым.

– Это ж гнусно как! – взволнованно прошептал Денис... нет, все ж таки – Дэн! – Жалко девок-то. Вон те две – совсем еще дети... и их с малых лет... вот так! Рабство, одно подлое рабство кругом... Эх, Россия, Россия...

– Тсс! – Бурцов поспешно огляделся вокруг. – Тише ты, вольтерьянец! Забыл, за что тебя к нам сослали?

– Да уж не забыл, как же.

– Вот и я о том, друже. Вчера – басня про императора – «Орлица, Турухтан и Тетерев», сегодня вот – выступления против существующих порядков... А завтра что? Революция?

– Басня-то, кстати, из Сегюра!

– Знаем мы твоего Сегюра! Ох, Денис, Денис... вижу, неприглядно тебе все. Да и мне, кстати, не очень. Одно дело, когда с дамою по желанию... и совсем другое, когда вот этак – по-скотски... Пойдем-ка лучше напьемся, Денис!

– А вот это хорошая идея! К столу, друг, к столу!

Бурцов, брат, что за раздолье!

Пунш жестокий!.. Хор гремит!

Бурцов! пью твое здоровье:

Будь, гусар, век пьян и сыт!

С такими вот настроениями приятели и вышли к столу, уселись... И тут вдруг Денис едва не подавился водкою! Прямо перед ним, совсем рядом, за столом сидела Катаржина в компании своей старшей и куда более строгой кузины!

Тоненькая, даже худая, с небольшой грудью и длинными ногами, с синими, как небо, глазищами в обрамлении длинных пушистых ресниц. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы были завиты локонами, голубое, сильно декольтированное платье оставляло напоказ тонкую белую шею, тронутые первым золотистым загаром плечики и верхнюю часть груди с аппетитной ложбинкой. Милое очаровательное личико, чуть вздернутый носик, пухлые, растянутые в улыбке губки...

Господи! Дэн глазам своим не поверил. Перед ним сидела Леночка! Та самая...

– Dobry wieczo?, – с улыбкой произнесла Катаржина по-польски.

– О, мадемуазель! Как я счастлив, наконец, лицезреть вас. Так выпьем же за нашу встречу!

Оба – да и все, кто еще оставался – чокнулись и загалдели. Гости давно опьянели, и уже мало кого интересовала общая беседа, компания распалась на междусобойчики, там что-то обсуждали, пили, смеялись...

– Сашка! – Денис подозвал корнета. – Иди-ка, переведи. Спроси, не имеет ли мадемуазель желание прогуляться по саду? Тут ведь такой дивный сад – просто парадиз какой-то.

Мило улыбаясь, корнет выполнил просьбу старшего друга и, выслушав ответ, перевел:

– Она согласна. Говорит – просто обожает гулять по ночам. Это так романтично! Только хочет, чтоб ты прихватил с собою вина.

– Вина? А как же! Возьмем бутылку... и бокалы прихватим – пускай звенят! Ах, Сашка, Сашка, какой же ты молодец! Стукнем чашу с чашей дружно! Нынче пить еще досужно – завтра трубы затрубят!

Взяв Катаржину под ручку, гуляка гусар неспешно зашагал по аллее, освещаемой отсветами горевших на столе свечей, звездами и большой серебристой луною.

– Ах, душа моя! Хочешь я прочту тебе стихи? Всенепременно прочту! Впрочем, сначала выпьем... Вот прямо здесь и выпьем, ага.

Галантно усадив юную мадемуазель на случившуюся по пути скамеечку, Денис водрузил рядом прихваченную корзинку с вином, бокалами и сыром и, выхватив саблю, лихо, по-гусарски, отбил горлышко бутылки!

Польская красотка зааплодировала и ловко подставила бокалы. Выпили... закусили... потом еще разок выпили... Синие глаза польки заблестели, губки приоткрылись...

– Тебе не холодно, душа моя? Вижу, что холодно – плечики-то голые. Ах, какие плечики, ах... сейчас я их погрею...

Переставив корзину в траву, гусар подсел к девчонке поближе. У Дэна захолонуло сердце: неужели... неужели все вот так просто? А в школе говорили о каких-то там романтических временах...

От бедра Катаржины, скрытого тоненькой шелковой тканью, исходило зовущее тепло. Гусар прижался еще ближе и со всей нежностью, с которой только мог, обнял, погладил девушку по плечам... затем с жаром поцеловал в шею... в плечики... в грудь... Польша вовсе не сопротивлялась, отнюдь! Принялась расстегивать пуговицы на доломане. Денис тоже времени зря не терял: не забывая о поцелуях, распустил шнуровку на платье, погладил чудесную стройную спинку, ощутив ладонью тепло шелковистой кожи и, обнажив грудь, накрыл губами трепетный нежный сосок...

Отвлекся лишь на миг, углядев невдалеке беседку. Без лишних слов сгреб Катаржину в охапку, подхватил на руки...

Там и случилось все, на широкой скамье, покрытой кошмой. Полетела прочь сброшенная одежда, и нагая пылкая полька, томно вздыхая, прижалась к гусару всем своим юным восхитительным телом:

– *Jestes moim huzarow! Wez mnie, wez! No, nie wstydz sie! Jestes taki slodki, pan Denis!*

* * *

– А ну-ка, отпусти! Отпусти, кому сказано!

Дэн в недоумении распахнул глаза, увидев прямо перед собой томно глядевшую на него Оленьку! Оказывается, во время транса он едва не стянул с девушки маечку! Не успел – обозленный Юрка не дал. Ишь ты, защитник нравственности выискался. Кстати, судя по глазам, Ольга сейчас именно так и думала.

– Ну? Что там было?

– Потом расскажу, – выходя из-за стола, отмахнулся Денис. – Сейчас некогда. Пора мне.

Оленька ехидно улыбнулась:

– И куда же ты так заторопился, интересно знать?

– Так... надо...

Особенно-то Дэна никто и не удерживал. С Ольгой Юрик оставался... и еще этот, ботаник, был. Правда, тот тоже все прекрасно понял и быстро откланялся.

Катаржина! Эта польская красотка так напоминала Леночку! Просто невероятно – одно и то же лицо, фигурка, даже голоса и повадки схожие. Ах, Катаржина... Ну, Денис Васильевич, хват!

Начался дождь, настоящий ливень. Дэн не обращал на льющиеся потоки воды никакого внимания, просто шагал, погруженный в собственные мысли... вспоминал, думал... Вернее, не думал, а пытался вновь пережить то, что случилось там, в беседке в далеком тысяча восемьсот пятом году. Леночка-Катаржина запала и в его душу тоже. Очень хотелось все повторить. Да просто хоть увидеть польскую красотку... как там она?

Что ж... ежели очень хочется... Почему бы и не увидеть?

Войдя в пристройку, молодой человек наскоро переоделся и вытащил на середину комнаты стол. Потом принес из кухни блюдо с водой, тщательно задернул окно... Свеча! Где-то ведь должна быть, не может, чтоб не было, квартирная хозяйка – старушка запасливая...

Свечка – и не одна – отыскалась в ящике комода. Хорошо, что хозяйки пока дома не было. Теперь все было готово: темная комната, стол, блюдо с водою, свеча... Дэн чиркнул спичкою, потом, встав, погасил свет... Не сказать чтоб парень очень уж волновался – все это с ним уже было и не один раз. Правда, тогда еще имелся медиум – Ольга. Теперь же приходилось все делать самому.

Придав лицу самое серьезное выражение, молодой человек вытянул вперед руки и закрыл глаза:

– Дух Дениса Давыдова, гусара и поэта, явись! Явись! Явись! Явись!

Сказав так, Дэн медленно открыл глаза... Ничего не произошло! Все тот же стол, все та ж узенькая съемная комнатенка, завешенное пледом окно. Никаких балов, гусаров... Леночки-Катаржины.

– Дух Дениса Давыдова, явись!

Со второго раза тоже не вышло, не получилось и с третьего. Однако Денис Игоревич юношей оказался упорным – пробовал еще и еще, пока, наконец, после десятой или одиннадцатой попытки не махнул на все это дело рукой. Видать, и впрямь без медиума – никак. Вот вам и Оленька! Что ж... Тогда – завтра! Да-да – завтра. Попросить Ольгу и...

Измученный молодой человек, не раздеваясь, повалился на диван, подложив под голову продавленную подушку... И проснулся только утром. Точнее – его разбудила труба.

* * *

– Что? Что такое?

– Тревога, Денис!

– Бурцов?! Ты как здесь?

– А ты не помнишь? Заночевали вчера в казарме... вот и пристатились! Однако ж хватит болтать – пора.

Прихватив с собой сабли и пистолеты, гусары выскочили на плац и со всех ног бросились к конюшне. Юный трубач из рядовых неутомимо дул в сверкающую трубу, к нему вскоре присоединился и барабанщик, и еще парочка музыкантов с литаврами, поднявших такой шум, что только держись!

Все собрались быстро – не барышни, – не прошло и пяти минут, как кавалерия уже гарцевала на конях во дворе напротив казармы, в любой момент готовая

броситься в бой и смять неприятеля неудержимой лавою!

Однако покуда такого приказа не было. Лишь звучали строевые команды:

– Выровнялись по холкам... Смирно! Р-равнение на середину...

Дождавшись, когда гусары построятся, в ворота верхом на белом коне въехал несколько сутулый человек в синем полковничьем мундире, с седоватыми, но франтоватыми усами и строгим лицом. Дэн тут же «узнал» отца-командира, лихого полковника Якова Федоровича Ставицкого, командовавшего «белорусцами» уже около года. Рядом с ним, на кауром жеребчике, покачивался в седле какой-то статский, судя по богатому фраку и треуголке с золотым галуном – чином никак не ниже надворного советника, а то – и выше. Лицо статского – узкое и длинное, как у кобылы – казалось каким-то неестественно бледным, незагорелым – видать, вся служба его проходила в кабинетах.

– Здорово, гусары-молодцы! – вытянулся в седле отец-командир.

Гусары подались вперед в стремянах:

– Здрав будь, вашбродь господин полковник!

– Вот что, братцы, в Европах снова война, – продолжал полковник. – И вы знаете, с кем. Дай бог, и мы в ней поучаствуем, царю-батюшке и богоспасаемому Отечеству нашему верой и правдой послужим.

– Послужим, господин полковник! – хором гаркнули всадники.

– Орлы! – не преминул похвалить Ставицкий. – Молодец к молодцу. С таким ни один Бонапартый не справится.

Статский лишь скептически скривился, и полковник, наконец, соизволил его представить:

– О делах европейских вам сейчас пояснит надворный советник Батюшкин, Николай Егорович, ответственный чиновник министерства иностранных дел, правая рука господина министра – светлейшего князя Чарторыйского.

Надворный советник скривился и принялся что-то говорить бесцветным и глуховатым голосом. Прислушивался к его словам, верно, один лишь Дэн, да и тот – чисто из любопытства. Батюшкин прогнусавил про «славные войска коалиции» в составе России, Австрии, Англии, Швеции и еще какого-то Неаполитанского королевства. Сия грозная сила должна была в самое ближайшее время атаковать узурпатора на всем протяжении от Балтики до Италии. Тремя русскими армиями командовали соответственно Беннигсен, Буксгевден и Кутузов.

Речь «правой руки» министра никак нельзя было назвать зажигательной, впрочем, закончил он во здравие, с неожиданной громкостью прокричав:

– Слава государю-императору Александру Палычу!

Тут уж гусары не подкачали, проорали так, что деревья за оградой затряслись:

– Слава! Слава! Слава!

После выступления советника весь полк сразу же отправился на маневры. Гусары – особенно офицеры – казались необыкновенно взволнованными. Еще бы, каждому хотелось стать участником боевых действий, проявить себя во славу Отечества, и такая возможность, вполне вероятно, могла представиться им уже в самое ближайшее время. До того же следовало крепко нести службу, готовиться и ждать.

Полевой лагерь разбили на опушке чудесной липовой рощи, посреди медвяных трав. Ужо лошади были довольны, да и гусары тоже: после утомительных дневных скачек так славно было расслабиться, полежать на траве, в компании верных друзей и шампанского. За вином специально отправляли нарочных в Черкассы, за сто верст, водкою же обходились ядреною, местной.

Каждое утро начиналось с чистки лошадей, потом – легкий завтрак, а уж затем, причем до самого вечера – маневры. Ну, а уж вечером – пир, куда ж без этого?

Еще следовало содержать в чистоте и порядке всю амуницию, от сапог до кивера. Кивер впервые ввели для гусарских полков года два назад, точно такого

же образца, как и в пехоте: высокий, почти цилиндрический, чуть расширяющийся кверху и с пристегивающимся козырьком. Ни кутасов (толстых гарусных украшений, свисающих спереди и сзади кивера), ни султана на гусарских киверах еще не было. Зато как много всего нужного помещалось в сей головной убор! В кивере хранили ложку, деньги, гребешок, щеточку для усов, фабру, ваксу, нитки с иглами, трубочку с табачком, запасной кремль для пистолета, шило – все то, что всегда должно было быть под рукой и что невозможно было держать в чакчирах и доломане.

В состав амуниции входила портупея из красной кожи, к которой крепилась сабля и ташка – пятиугольная сумка, у «белорусцев» – красная с белой опушкой и серебряным императорским вензелем. Поверх портупеи надевался пояс-кушак в виде цветных шнуров с серебряными перехватами. В боевых условиях на специальном ремне-паталере носилась небольшая коробочка для патронов к гусарским пистолетам – «лядунка», там же крепились на тонких цепочках два протравника для прочистки затравочного отверстия пистолета – медный и стальной.

Кроме двух седельных пистолетов в качестве огнестрельного оружия еще имелось короткое кавалерийское ружье – карабин – и прилагающийся к нему инструмент.

Все это в походе пачкалось, загрязнялось и требовало ежедневного ухода и чистки, чем и занимались гусары в вечернее время. Еще играли в карты – куда ж без этого?

– А вот мы вашего вальта – дамой! Так ему, так!

– А мы – вот этак! А еще – так...

– Ах, по масти бы, по масти...

Посреди лагеря жарко горели костры, вкусно пахло походной похлебкою с горохом и салом. В шатре князя Сереги играли. Судя по выкрикам, серьезная шла игра, в которой уж не только деньги, но и поместья проигрывали, и ставили на кон детей и жен! Давыдов же к картежной игре был равнодушен – батюшка, отставной полковник Василий Денисович когда-то проигрывался в прах, и если б

не матушка, Елена Евдокимовна, то еще и не ясно б, чем сие дело кончилось. Вот и с сыновей своих, с Дениса и Евдокима, матушка взяла слово, чтоб не играли. Те и не играли, Дениса и не тянуло даже. Так, посмотреть за игрой любил, песен попеть, выпить, но карты в руки не брал никогда!

– Может, други, к дамам поедем, проветримся? – опасаясь проигратся, несмело предложил Сашенька Пшесинский.

И совершенно напрасно надеялся!

– Какие дамы, корнет, когда тут игра такая! Вон, Бурцов так понтирует, что самому черту тошно!

– Андрюшка! А ну неси еще водки, неси!

Выпив, Денис выбрался из шатра и, усевшись к костру, похлебал с солдатами похлебки, ничуть не гнушаясь обществом нижних чинов и их простым и сытным варевом. За то солдаты бравого ротмистра и любили, жаловали.

– А вот, Денис Васильевич, уточкой угостись! Фимка, обозный, подстрелил.

– Спасибо, ребята, за уточку, но... И так уже сыт! Пойду, пройдусь лучше... или посплю.

При Давыдове, как и при любом офицере, имелся крепостной «дядька», слуга, денщик – дворовый мужик Андрюшка, вернее, не мужик, а немного сутулый рыжеватый парень. Расторопный, ловкий, умелый – что еще надобно для слуги?

– Денис Васильевич, почивать желаете? Так я живо метнусь, постелю...

– Сиди! Без тебя обойдусь. Сиди, говорю!

– Как скажете, вашество!

Денис, а точнее – Дэн, специально отпустил Андрюшку... чтоб не стеснял. Ибо молодой человек задумал все же одно важное дело, для чего потребовались свечи и блюдце с водою. Свечи нашлись, а блюдце пришлось заменить походной жестяной плошкой. Что же касемо шатра, так Давыдов заранее велел разбить его в стороне от всех. Никакого удивления это ни у кого не вызвало, все знали – поэтам иногда требуется уединение. Да и вообще, поглощенные нешуточными карточными баталиями гусары в чужую жизнь носа не совали.

Поставив на походном столе плошку, Дэн высек огнивом искру, зажег трут, а уж от него – свечку. Уселся на раскладной табурет, вытянул руки...

– Дух...

Черт! А кого вызвать-то? Себя самого, что ли?

– Дух Дениса Давыдова – явись! Явись! Явись! Явись!

Не получилось. Не вызывался дух, не хотел являться... наверное, потому, что уже и был здесь.

Подумав, молодой человек попытался вызвать дух Ольги, а потом – и Леночки, и Юрика... Все с тем же успехом, точнее – без оного.

Дэн пытался до утра, а потом... нет, не впал в отчаянье, просто надоело. Повалившись на тюфяк, набитый свежей соломой, Денис устало смежил глаза и тотчас же провалился в сон.

Глава 2

Вернуться обратно не получалось! Дэн осознал это постепенно, пытаясь вырваться при каждом удобном случае. Наверное, поэтому и шок не был столь уж заметным – юноша уже просто привык. Привык к раздольным полям, к друзьям-гусарам, к веселым пирушкам, лошадям, женщинам. Да что там говорить, вешать нос в гусарском полку было решительно невозможно! Просто никак. То одно, то другое, опять же – стихи. Стихи о гусарской жизни сочинялись

на удивление легко и приятно, друзья их принимали с восторгом, а еще доходили слухи, что и уездные барышни переписывают их в свои девичьи альбомы.

Кстати о женщинах... Катаржина, та самая роковая красotka, к которой так стремился поэт-гусар, неожиданно была помолвлена со старым князем Черкасским и в самое ближайшее время собиралась за него замуж. Будущий муж был старше своей молодой супруги раза в три, но это никого не смущало – такие уж тогда стояли времена. Вот если б наоборот – старуха с молодым, тогда всем про молодого было бы ясно – тот еще фрукт, ищущий всяческих материальных выгод.

Что же касемо юных дев, так их отдавали замуж частенько против воли, да и вообще, брак был делом родителей. И это правильно, наверное, – ну ведь решительно невозможно поручить такое важное дело подросткам, тем более влюбленным! Катаржина же была сиротой и бесприданницей, и к замужеству ее явно приложила руку кузина. Что ж, очень даже неплохой выбор, учитывая богатство князя. Можно сказать, юной польке очень даже повезло с мужем. Богат, знатен, знаменит! Ну, а что касемо сексуальной жизни, то... гусары на что? Их ведь тут – целый полк. Правда, теперь не столь уж и рядом – от Звенигородки до имения князя под Черкассами – больше ста верст. Впрочем, разве ж это преграда для двух молодых людей, чувствующих друг к другу симпатию?

Уже после маневров, где-то в начале сентября месяца, Давыдов неожиданно получил от своей пассии письмо, доставленное с оказией – возвращавшимся в свой полк уланским капитаном. Письмо сие – а скорей, записка – было написано частью по-русски, частью по-французски безбожно исковерканными словами, из которых, однако же, можно было понять, что пылкая полька соскучилась и жаждет встречи.

«Приежжай мон амур буду в Михайловском монастыре сентября двадцатого дня твоя ктржна».

Вот примерно так. В таком вот телеграфном стиле.

Прикидывая, что со всем этим делать, Денис Васильевич испросил совета у лучшего своего друга – Бурцова. Бравый ротмистр лишь подкрутил усы и, лукаво глянув на друга, сказал: «Поезжай! Коль женщина зовет – так тут и думать нечего, особенно гусару». Удобную причину для отлучки вполне можно было придумать – скажем, навестить некую престарелую тетушку, возвращающуюся в Москву со своей южной усадьбы.

– Так ведь вранье получится! – не согласился Денис.

– Так ведь ради дела! – Алексей Бурцов, когда хотел, мог уговорить любого. – Тем более ты можешь и не говорить, что к тетушке. Скажи уклончиво – к родственнице... почти ведь так оно и есть?

– Рапорт поеду подавать, – с неожиданной хмуростью вдруг промолвил Давыдов. – О переводе на театр военных действий. Давно хотел уже. А то ведь так и не удосужусь отведать ратной славы! Братец мой младший, Евдоким, так ведь туда и отправился, в распоряжение генерал-аншефа Беннигсена. Прислал вот письмо из Вильны. Вояка! Так и мне негоже отставать.

– Ну, можно и так, – подумав, ротмистр махнул рукою. – Рапорта-то мы все подадим... А я вот все же надеюсь – может, и наш полк бросят в бой? Не оставят в резервах...

Денис покусал ус:

– Может быть. Но я все же подам. Заодно и даму проведу.

– Вот это правильно! – засмеялся Бурцов. – Жаль будет расставаться, коли рапорту твоему ход дадут. Лучше б в одном полку... вместе...

– Ах, друг мой Алексей! Хорошо бы да кабы!

Взволнованные друзья обнялись и расцеловались, после чего окрыленный поддержкой Бурцова Денис тотчас же отправился к своему командиру.

Полковник Ставицкий принял бравого гусара тотчас же и, узнав, в чем дело, перечить не стал:

– Знаю, знаю, все вы в бой рветесь. Особенно ты. Брат, говоришь?

– Да, да – Евдоким. Поди скоро уже и воевать будет, а я...

Искоса поглядев на своего подчиненного, полковник надел треуголку – он все же собирался кого-то провести:

– Понимаю, все ж таки после гвардии у нас, верно, скучновато? А, Денис?

Давыдов потупился:

– Что вы, Яков Федорович! С такими-то орлами когда и скучать?

После посещения полковника Дэн внезапно ощутил некий подъем чувств. Денис Васильевич года полтора назад был сослан в Белорусский полк из столичных кавалергардов, сослан за стихи, и, конечно же, мечтал вернуться. Подавал рапорт полгода назад, и вот сейчас собрался... В гвардию, на войну – вот это было бы славно!

Долго ли, коротко ли, а Денис простился с друзьями и, велел слуге седлать коней, тут же и отбыл вместе с верным Андрюшкой. Всякие мысли перемешались в буйной голове гусара! Давыдов мечтал об участии в войне, о переводе... и, конечно же, о встрече с юной польской красоткой. О том, кстати, мечтал и Дэн... но еще он все-таки надеялся вернуться. Черкасы это вам не Звенигородка – город большой, неужто не найдутся в нем медиумы? Неужто никто спиритических сеансов не проводит, не вызывает духов? Или это все не в моде еще?

Медиум. Все дело в медиуме – Ольге. Именно она погружала Дэна в транс, она и возвращала обратно. Как? А бог ее знает. Юноша этим и не интересовался как-то – синие глаза Леночки мешали, ведь только на них и смотрел. Ах, Леночка, Леночка... Катаржина. Чужая невеста, бесприданница... и красавица, каких, верно, больше в целом свете нет!

К слову сказать, Дэн никогда не осуждал тех женщин, что ищут лучшей жизни, используя свою красоту. И правда – коль есть что, так ведь грех не пользоваться! Когда бедные юницы выходят замуж за богатых стариков, как вот Катаржина, – это правда жизни, и от того не становятся эти девы ни подлее, ни хуже. А уж если не о юницах речь, а об особах постарше, годам к сорока... То тем-то сам бог велел! Пока красота не увяла. Нет, не осуждал Денис таких женщин, вовсе не осуждал. Наоборот, защищал всегда, частенько за ужином с квартирной хозяйкою спорил. Если женщина что для улучшения жизни своей – а часто и детей – делает, то как же можно ее за то осуждать? Да и вообще, сказано ведь – не судите, да не судимы будете.

Понимал Дэн и Леночку, и Катаржину. Других не понимал, тех, кто всю жизнь мыкается с нищим пьяницей-мужем! Глянешь на иную – ну, красива. И умна... но все равно – дура. Муж – нищий алкаш, жену ревнует, к тому же и бьет смертным боем! А та все терпит, вот уж точно – дурища! Чего-то боится в сей жизни менять... А чего бояться? Чего терять-то? Впрочем, в каждой избушке свои побрякушки.

Отыскать под Черкассами Михайловскую женскую обитель никакого труда не составило. Монастырь, огороженный мощной стеной из беловатого камня, сверкал на солнце куполами церквей. Вокруг росли высокие стройные липы и клены, уже начинавшие желтеть, хотя погоды все же еще стояли летние, теплые.

Обитель-то нашли, но вот как было туда проникнуть? Как узнать, там Катаржина или еще нет? По законам Российской империи, жена должна была принимать веру мужа, то есть католичка полька – креститься в православие. Затем будущий муж и отправил ее в обитель: чтоб разъяснили ей сестры-монахини православную веру. Так многие делали, и князь Черкасский – не исключение.

– Вот это стадо, барин! Всем стадам стадо, а? Поди монастырское.

Слуга, Андрюшка, не удержался, восхищенно показав пальцем на пасущихся на лугу, недалеко от дороги, буренок. Чистеньких, дородных, лоснящихся. Возле стада, в кусточках, притулился шалаш, возле которого важно прогуливался босоногий пастушок в коротких штанах и свитке из выбеленной на солнце

холстины.

Завидев красавца-гусара, пастушок забыл про коров и восхищенно уставился на всадника...

– Что рот-то раскрыл – муха залетит! – засмеялся Давыдов. – Монастырское стадо-то?

– Так, барин, так, – пастушок покивал лохматой белобрысой головой и улыбнулся. – А сабля у тебя острая?

– А ты думал! – хохотнул гусар. – Хочешь в руках подержать?

– А можно? – склонив голову набок, мальчишка недоверчиво прищурился.

– Да можно, почему б и нет? – Денис Васильевич сделался сама серьезность и, придерживав поводья, нагнулся к пастушонку: – У вас тут где шалаш можно поставить? Что-то не хочется на постоялом дворе ночевать – больно уж там клопы злые.

– Гы! Уж точно злые, – отрок поколупал в носу. – А шалаш можно вон, на меже поставить. Там земля ничья.

– Слуге моему покажешь, где... Тебя как звать-то?

– Гришкою.

– А как бы мне, Гришка, узнать, приехал кое-кто в монастырь или нет? Сбегаешь? Не только саблю потрогать, еще и денежку дам.

– Не, не сбегаю, барин, – с видимым сожалением протянул пастушок. – Обитель-то женская, нас не пускают.

– Жа-аль.

– Я-то не могу, а вот сестрица моя, Фекла, может. Позвать ее?

– Конечно, друг милый, позвать!

– Так я тогда мигом!

Сестрица пастушка Фекла оказалась долговязой девицею с весьма приятным личиком и нескладной фигуркой подростка. Босая, в темной длинной юбке и какой-то бесформенной кофте, она чем-то напомнила Дэну персонаж из какой-то исторической игры. Выполнить просьбу гусара Фекла согласилась охотно – да невелика и просьба была.

– Если та госпожа там, скажешь, мол, друг ее – она знает, кто – будет ждать ее вечером, прямо вот здесь, под липами... еще скажи... Черт! – Денис вдруг хлопнул себя по лбу. – Вот же дурень! Как же она тебя поймет-то? Она ж полька!

– Так я, барин, польский понимаю. И говорить могу.

– Ты ж моя умница! Ну, иди, иди же, не стой.

Девчонка обернулась быстро, и пары часов не прошло:

– Дама сказала – к вечеру выйдет. Так что ты, барин, жди.

– На вот тебе! – обрадованно рассмеявшись, гусар протянул Фекле денежки – копейки. – Это вот и братцу твоему тоже.

– Он хотел еще саблю посмотреть.

– Пусть на межу приходит – посмотрит. Где у вас тут межа-то?

– А вон...

Наскоро перекусив прихваченной с собою вчерашней холодной дичью, Денис Васильевич оставил Андриюшку строить шалаш, вскочил в седло и, подкрутив

усы, мелкой рысью подался к обители. Вне всяких сомнений, появление столь бравого всадника – да еще и гусара! – у стен женского монастыря вряд ли осталось бы незамеченным, мало того, вызвало бы целую кучу кривотолков и сплетен, что monsieur Давыдов прекрасно понимал и вовсе не собирался стать мишенью для пересудов, тем более коли здесь была замешана молодая и привлекательная особа... вовсе даже не свободная.

Исходя из этого, Денис привязал коня в липовой рощице, сам же, сняв кивер и накинув на плечи шинель, уселся невдалеке на пенек, маскируясь в зарослях краснотала и вербы. Конец сентября в Малороссии – по сути, еще лето, так что разноцветных – зеленых, желтых и красных – листьев на кустах и деревьях вполне хватало для укрытия. Так вот гусар и ждал появления своей пассии, нетерпеливо поглядывая на аллею.

Еще даже не начинало темнеть, кажется, вскорости после обедни, одинокая женская фигурка появилась наконец-то на мосточке, ведущем через неглубокий овражек к липам. Поверх изумительной красоты темно-голубого платья, словно сошедшего со страниц модного французского журнала La Racinet, струилась темно-коричневая шаль, с изысканной шляпки на лицо ниспадала вуаль. Изящная фигурка сия даже издали выглядела столь воздушной и легкой, что темно-красного сафьяна туфли, казалось, едва касались земли. Едва слышно шуршали опавшие листья...

Сердце гусара забилося так гулко, что грозило вот-вот выскочить из груди! Сомнений никаких не было – эта появившаяся на аллее девушка и есть Катаржина!

– Ах, услада очей моих! – Вскочив, Денис со всех ног бросился навстречу красавице, умоляя Господа лишь об одном: лишь бы все это вдруг не оказалось видением, волшебной грезой влюбленного поэта... хотя о любви, верно, здесь речи и вовсе не шло. Скорее, влечение, да... Но какое!

– Добжий вечер, месье гусар, – откинув вуаль, Катаржина окатила своего истосковавшегося кавалера синим светом очей.

Очаровательно наморщив носик, она еще что-то добавила по-польски, что именно, гусар, естественно, не понял, но догадался в общих чертах. Хотя... и что тут было догадываться, все более чем откровенно! Как пелось в старой песенке

«Наутилуса»: «Ты – моя женщина, я – твой мужчина, если надо причину, то это причина».

Да не надо было причины, и не надо было никому ничего объяснять, тем более – друг другу!

Похлопав по холке коня – жди, мол, – Денис взял возлюбленную за руку и повел за собой сквозь заросли, через дорогу к меже, где ушлый Андрияша уже соорудил просторный шалаш, не забыв положить наземь мешок, набитый сеном, – загодя приобретенный практичным слугой по пути.

На этом мешке и случилось...

– Ах, милый...

Полетела прочь шляпка, а за нею и шаль. Скользнули меж пальцами гусара шелковые завязки платья... Да черт-то бы их побрал, эти завязки, вот, право же, в самом деле – побрал! Это ж такое неудобство, и кто только их придумал... просто изверг рода человеческого, иначе и не сказать! Да развязывайся же... ну!

А Леночка-то... тьфу – Катаржина – тоже хороша. Не могла вместо столь неудобного платья джинсики нацепить да какую-нибудь легкую кофточку... и можно даже без бюстгальтера... хотя... Сей детали женского туалета и так не было. Едва завязки ослабли, как тотчас же обнажилась грудь – упругая, быстро наливавшаяся терпким соком запретной любви...

Они простились через пару часов. Уже начинало смеркаться, а невдалеке, над рощею, поплыл, закурлыкал журавлиный клин.

– Счастья тебе, милая, – крепко обняв девушку на прощанье, прошептал гусар. – Надеюсь, еще свидимся.

– И тебе стчастья, – пылкая красавица томно изогнула шейку. – Приезжай. Не забывай меня, коханий. Даже когда рожу детей... Все равно – приезжай. Всегда.

– Всегда, – эхом откликнулся Давыдов.

Хрупкая, закутанная в шаль фигурка быстро пошла по аллее к монастырю. На мостике обернулась, помахала рукой...

У Дэна словно тисками сдавило сердце... Ах, Леночка, Леночка... И почему все вот так? Почему они не могут остаться вдвоем... быть вдвоем всегда? Значит, все ж таки не любовь. Просто влечение-увлечение. Но ведь им было очень хорошо? Было. И, даст бог, будет еще... Невелик грех, наверное...

* * *

В Черкассах Денис Васильевич остановился в недорогом пансионе, сняв комнату на двоих со слугой. В номере оказалась всего одна кровать на гнутых деревянных ножках, и Андрюшка постелил себе в углу... тот самый мешок с сеном. Правда, спать слуге не дали.

– Вот что, любезный мой, – едва устроившись, Давыдов задумчиво покусал усы. – Поди-ка, прошвырнись, поспрашивай – кто-нибудь здесь занимается спиритизмом?

Андрюшка округлил глаза:

– Чем-чем, барин?

– Ну... духов там вызывают и прочее...

– Так это ж еретики-чернокнижники! – слуга опасливо перекрестился на висевшую в углу икону. – За то в Речи Посполитой – смерть. Да и у нас по головке не погладят. Не в тюрьму, так на каторгу.

– Да уж, нет еще в России истинных европейских свобод! – явно ерничая, посетовал Дэн. – Что ж, вели тогда ужин принести. Вдвоем и поснедаем.

– Ужин – это, барин, славно, – денщик сразу же оживился и погладил себя по животу. – А чего заказывать-то? Поздновато уже. Боюсь, не уснула ль прислуга.

– Ну... яичницу пусть пожарят, так, чтоб побыстрее. И вина... Вина не забудь. Пусть хоть яблочного – один черт.

– Ну это я, барин, сей момент спроворю!

Просияв лицом, Андрюшка удалился, а его хозяин скинул сапоги и, растянувшись на кровати, задумался. Отыскать спиритов и медиумов, оказывается, было не так-то просто! Времена на дворе стояли религиозные, к чернокнижью и колдовству относились строго. На кострах уже не жгли, но репрессии не отменяли. Вот и боялись люди... и, похоже, даже в высших кругах. Если и проводили сеансы, то явно не афишировали.

Но ведь должны же... какие-нибудь бабки... ведьмы... колдуньи... Да! Не может быть, чтоб не... Надо просто искать. Искать надо.

– А вот и ужин, Денис Васильевич! Как вы и просили – яичница с салом! – довольно щурясь, слуга внес в комнату дымящуюся сковородку. – Куда ставить?

– А вон, – вскочив с ложа, гусар поставил на колченогий столик какую-то замусоленную французскую книжку, найденную здесь же, в номере, – видать, кто-то из постояльцев забыл. – Однако – Расин! – Давыдов все же прочел название и махнул рукой. – Да и черт с ним, с Расином. В метафизическом споре философии и яичницы победила яичница... Жаль, что не зеленый змий! Кстати, о нем... Андрей Батькович! Как там насчет вина?

– Посейчас принесу, барин. Это... из яблок только вино, однако крепкое.

– Крепкое? Да ты уже, шельма, испробовал?

– Так, чуть-чуть. Хозяин за штоф полтину требует!

– Иди ты! Это ж три фунта телятины можно купить.

– Так не брать, барин?

– Как не брать? Бери! Я ж тебе, дурень, не о том толкую – брать вино иль не брать, а о том – что дорого стало везде.

– Тогда гоните полтину, Денис Васильевич! И еще столько же – за яичницу.

Гусар аж крикнул от наглости хозяев пансиона.

– За яичницу – полтину? В ней что, два десятка яиц? И одного ведь не наберется... Впрочем, ладно – на вот тебе. И неси поскорее вино.

С первой баклажкой вина не повезло – оно скорее напоминало яблочный уксус, зато вторая неожиданно оказалась крепкой – не вино, а чистый кальвадос. Выкушав на пару с Андрюшкой пару баклажек и закусив яичницей, Денис Васильевич соизволил отойти ко сну. Правда, выспаться так и не удалось – одолели клопы! Даже не клопы, а целые крокодилы, как выразился слуга. Денис тоже выразился... только совсем непечатно.

Оба – хозяин и слуга – так и не сомкнули глаз до утра. Не выспавшийся и злой Денис Васильевич всерьез намеревался набить хозяину пансиона морду! Увы, гостей выпроваживала заспанная хозяйка – ну, не ее же бить!

– Клопы тут у вас, однако, матушка, – прощаясь, посетовал гусар.

Хозяйка – женщина средних лет в старом затрапезном капоте – кивнула и, попросив постояльцев чуть обождать, скрылась где-то на кухне... откуда и вынесла штоф и небольшие стопочки.

– Водка. Сливовая. Угощайтесь.

– Ну... чтоб все ваши клопы сдохли!

Озвучив сие пожелание, Денис подкрутил усы и вышел во двор, где его уже ожидал верный Андрюшка, заранее приготовивший лошадей.

– Надеюсь, хоть их-то клопы не заели...

Потрепав по холке жеребца, Давыдов вскочил в седло и мелкой рысью бросил коня прочь из города. Позади, верхом на смирной кобыле, поспешал слуга. Недоброй памяти пансион, точнее говоря, клоповник, располагался почти на

самой окраине, так что до Николаевского тракта оставалось ехать недолго. Было довольно тепло, но серое осеннее небо уже набухало сизыми тучами, и, едва путники выехали на тракт, как тут же припустил дождь. Несильный, но по-осеннему нудный, он шел почти полдня, и лишь только к полудню наконец-то выглянуло солнышко.

До того казавшийся унылым пейзаж вдруг вспыхнул яркими разноцветными красками: зеленью озимых, желтизной лип и березок, огненно-оранжевой кленовой листвой. И все это – на фоне дивной синевы неба!

– Был бы художником, картину бы написал! – хлебнув из походной фляжки, восхитился Денис. – Впрочем, я все же какой-никакой, а пиит... Правда, о природе никогда не пробовал...

– Как же не пробовали-то, барин! – подогнав лошадь, Андрюшка подал голос. – А про животинку разную, про птичек? Турухтан там, тетерев, орлица...

Услышав такое, гусар чуть не подавился водкой. Вот так Андрюшка! Эвон какой хват: слышал звон, да не знает, где он.

– Ты лучше про птичек этих не упоминай, – повернув голову, хмыкнул Давыдов. – Меня из-за них сюда и сослали. На-ко вот, лучше выпей!

– Благодарствую, барин! Эта водка-то у вас забористая. Явно не из Вильны!

– Тебе, однако, лучше знать. Ты ж ее и покупал – к слову.

Из Черкасс до Звенигородки добирались три дня, что и понятно – почти сотня верст все-таки. Спешить не особенно и надобно было, так что Денис старался не загонять лошадей. Первую ночь заночевали на постоялом дворе, а вторую пришлось провести в поле, близ неширокой речки в просторном, устроенном, видимо, рыбаками, шалаше.

Пока Андрюшка занимался лошадьми и костром, Денис Васильевич вспомнил золотое детство и вырубил из краснотала удочку. Леска с крючком нашлись у слуги в котомке, а поплавок бравый гусар соорудил из пуговицы. Не из своей,

конечно, форменной – из Андрюшкиной.

Похлебав ушцы, путешественники легли спать и поднялись очень рано – еще только начинало светать. Очень уж не хотелось ночевать где ни попадя, а чтоб к вечеру быть дома, следовало поспешить. Вот и поспешали. Лошадок, правда, не гнали – где-то ехали шагом, где-то мелкой рысью, даже не пускались в аллюр, не говоря уже о галопе.

На протяжении всего пути Денис, вернее сказать – Дэн, думал о спиритах. Ну неужели же ни один такой не подвернется? Неужели придется здесь – навсегда? А как же академия, друзья? Отец, наконец? Хоть у того и семья, но все же... Да и вообще, как это можно – здесь! Ни Интернета, ни мобильной связи – вообще никакой связи, кроме почтовой, ни дискотек, ни... ни музыки современной, ни...

Однако же вовсе не скучно, надо признать! Совсем-совсем не скучно. Пожалуй, даже и повеселей, чем там... дома... Да уж точно веселей, тут и сравнивать нечего! Одна жженка чего стоит, а еще казарма с друзьями, балы... Или вот пани Катаржина. Весело, чего уж! Однако что же так пакостно на душе? Может, потому что Леночка – чья-то невеста? Так нет здесь Леночки... есть Катаржина... которая тоже чужая невеста. Однако куда ни кинь – всюду клин!

Подъезжая к Звенигородке, путники попали под сильный дождь и, свернув с дороги, поспешили укрыться в лесу, среди желтых лип и могучих грабов. На самой опушке рос огромный платан, под ним и спрятались, ожидая, когда кончится ливень.

Впрочем, особенно не скучали. Лошадки смиренно пощипывали траву, Денис, покусывая усы, сочинял что-то про осень, Андрюшке же вздумалось пошататься недалеко по лесу – поискать грибов. Несколько белых он давно уже приметил, к ним и пошел, срезал в шапку, затем повернул к небольшому овражку: уж там-то подосиновиков, маслят, да тех же белых должно быть немерено!

Так оно и оказалось, только вот собрать грибы Андрюшке не удалось... да и те, что были, из шапки выронил. Слуга вдруг увидел такое, от чего волосы на голове встали дыбом, а из горла вырвалось сдавленное:

– Ба-арин!

Услышав крик слуги, Давыдов вздрогнул и, выхватив саблю, рванулся на зов, готовый к любым неожиданностям: к схватке с лихими людьми или даже с французскими шпионами! Ко всему готов был лихой гусар... но только не к этому... Сам чуть не закричал, едва только глянул... еще бы!

На краю оврага в мокрой траве лежал труп мальчика лет пяти. Тело было абсолютно голым и каким-то неестественно бледным, словно бы кто-то жуткий высосал из бедолаги всю кровь!

– Нетопырь! – округлив глаза, перекрестился Андрюшка. – Нетопырь это, больше некому! Ох, Богородица Пресвятая Дева, спаси и сохрани!

– Нетопырь, говоришь? – Денис Васильевич неторопливо склонился над телом... то есть не Денис Васильевич, а все-таки уже Дэн... Будущий профессионал, курсант академии МВД. Третий курс, а как же! В теории – силен, да и практика какая-никакая, но была.

Денис-Дэн действовал, как учили: оперативно, но вместе с тем не спеша. Понимал, в деле будущего раскрытия преступления от него сейчас зависело многое. Первым делом молодой человек послал слугу к лошадям: взять из поклажи заветную «поэтическую тетрадку» и походную чернильницу с пером. Как человек пишущий, Давыдов с такими вещами почти не расставался.

– Вот, барин, пожалте!

– Подержи покуда... ага...

Составляя протокол осмотра трупа и места происшествия, Дэн, как учили, тщательно осмотрел все, слева направо, дотошно фиксируя каждую, даже, казалось бы, самую незначительную мелочь. И примятую траву, и местоположение тела, и раны... да-да – раны, точнее даже порезы на руках и шее.

– Вены перерезали, ага... – осматривая, проговаривал про себя Дэн, – Судя по отсутствию ярко выраженных трупных пятен, убили ребенка не здесь... где-то... Потом перевезли сюда... на чем? И главное – зачем? Андрей Батькович! А ну-ка глянь поодаль – нет ли тележных следов?

– Необязательно на телеге, – убедившись, что нетопыри и прочая нечистая сила к данному происшествию отношения, скорее всего, не имеют, слуга несколько приободрился духом и даже высказал дельную мысль:

– Малец-то немного весит. Его, ежели что, можно и в мешке на своем горбу приволочь.

– Можно и в мешке, – покусал усы гусар. – Это если рядом убили. А если где подальше? Заколебаешься тащить. Та-ак... с трупом, пожалуй, все. Давай-ка тут теперь везде глянем...

Невдалеке, возле овражка, вскоре нашлась и колея от тележных колес, и даже родник со скамеечкой и повешенным на ветку березовым туесом! Место-то оказалось очень даже посещаемым, людным – сюда и за водой ходили, и водили коней на водопой. Только другой дорогой шли, не по тракту.

– Какая тут рядом деревенька-то, не помнишь?

– Дак Авдеевка, барин. Отселя версты три.

– Авдеевка, говоришь? Угу... Опаньки! – Нагнувшись к малиновым зарослям, Денис вытащил зацепившуюся за ветки шапку... маленькую круглую шапку-ермолку, какие обычно носили местечковые евреи.

– Еврейская шапка, – сразу определил слуга. – В таких многие ходят.

– Многие – не многие, а... Ага. – Тщательно осматривая находку, молодой человек обратил самое пристальное внимание на рисунок бисером... буквы какие-то... иврит... или, скорее, идиш.

– Может, тут и имя хозяина найдется... Шапочка-то, похоже, как раз при делах. Привезли труп на телеге, тащили, видать, в полутьме – вон, кусты смяты. Споткнулись... или – споткнулся. Шапку потеряли, да в темноте и не нашли... или спугнул кто, место-то посещаемое.

Дэн покачал головой и продолжал все с тем же рассудительно-задумчивым видом:

– Почему же подальше не спрятали? Не закопали, не сбросили, наконец, в овраг? Оставили, можно сказать, на виду. Думаю, не одни мы тут грибы искали. Деревенские наверняка. Женщины, дети... у мужиков занятия поважней есть... Значит, опросить местных подростков – может, кого подозрительного в лесу заметили...

Тщательно зафиксировав все в «поэтической тетради», Денис дождался, когда подсохнут чернила, и велел слуге привести лошадей.

– Через Авдеевку и поедem. Сыщем старосту, пусть организывает вывоз трупа в сыскную избу... Ну, что стоишь, Андрей Батькович? Давай подбирай грибы, да поехали. Вон, и дождь уже почти перестал – славно!

* * *

В родных казармах, куда путники добрались лишь после полудня, Давыдова встретили с радостью – соскучились. Тут же предложили отдохнуть с дороги: выпить и закусить.

– Подождите, подождите, ребята, – отбивался гусар. – Сейчас вот полковнику доложусь...

Внимательно выслушав ротмистра, отец-командир покивал головой и даже похвалил своего гусара:

– Молодец. Все правильно сделал, Денис. Ах ты ж, до чего ж гнусное преступление, ах до чего же гнусное! Теперь уже слухи-то поползут, поползут слухи. Я как раз сегодня в Подольск собрался, доложу обо всем городничему, а уж он расследование назначит. Может, нас еще попросит помочь. Ладно, Денис, отдыхай покуда. В дороге, небось, умаялся... Да! С рапортом твоим как?

– Пока никак, – вздохнув, гусар развел руками.

– Ну, ничего, ничего, жди, – рассмеялся полковник. – Да не журишь, ротмистр! Войны на наш век хватит. Бонапартий вон как на австрияков прет. Аки бык!

Выйдя от командира, Давыдов наконец-то выпил с друзьями чарку – так, с устатку – да отправился на конюшню, чистить коня. Гусарский конь не просто конь, он – друг, уважения и заботы требует. Потому и день гусар начинался одинаково – с конюшни, с чистки, с прогуливания лошадей и всего такого прочего, без чего не может существовать ни один кавалерийский полк. Кстати, не так много и пили – служба ратная, она как-то больше идет на трезвую голову. Тем более пришла очередь Дениса выходить в наряд – начальником караула.

Дел хватало: нужно было проверять посты, за всем тщательно проследить, составить дневной рапорт да подать его заместителю командира – секунд-майору Артемию Ивановичу Глотову.

– Значит, ротмистр, в порядке все? – Артемий Иванович был несколько подслеповат и читал рапорт, водрузив на нос очки. – И что, ни одного пьяного нет?

– Так нет же, господин секунд-майор! Балов нынче на неделе никто не давал, в гости гусар не звали. С чего и пить?

– Со скуки, ротмистр, со скуки, – со знанием дела пояснил Глов. – Со скуки-то, голубчик вы мой, чаще всего и пьют. И другие нехорошие глупости делают.

Со скуки и выпили. Сразу же после того, как ротмистр Давыдов закончил наряд. Собрались, правда, не в казарме, а, пользуясь хорошей погодой, поехали на заливные луга. Стреножив лошадей, расположились на берегу узенькой речки Поповки, расстелили скатерть прямо на траве. Достали из корзин шампанское, водку, закуску...

– Ну, братие... За нас, за гусар!

Первый тост, как всегда, произнес Алешка Бурцов, ну а уж потом сразу же подключился Давыдов:

Бурцов, брат, что за раздолье!

Пунш жестокий!.. Хор гремит!

Бурцов! Пью твое здоровье:

Будь, гусар, век пьян и сыт!

Понтируй, как понтируешь,

Фланкируй, как фланкируешь,

В мирных днях не унывай

И в боях качай-валяй!

Вот это был тост! Тостище! Бурцов аж покраснел, обнял приятеля, едва не задавил от избытка чувств:

– Ах, Денис, Денис, как славно ты пишешь! Поистине славно. Ну, ведь, господа гусары, правда же? Грех за столь славного пиита не выпить. Право слово – грех!

Выпили и за Дениса, потом за самого старшего в компании, капитана Держакова, потом по очереди – за всех, пока не дошли до самого молодого – корнета Сашки Пшесинского. А уж за дам был отдельный тост, вернее сказать – тосты. За дам водку не пили, открыли шампанское.

Трава на лугу еще была зелена, в журчащих водах реки голубело небо. Солнышко сверкало в вышине почти совсем по-летнему, сияло так, словно заблудилось в золоте осенних берез, в багряном наряде кленов, в ажурной обнаженности лип. Славно было, ах как славно!

– Ну, господа гусары... За прекрасных дам!

Тут, к слову, никто не ерничал, даже «ёра и забияка» Бурцов. Выпили на полном серьезе и в знак уважения к женскому полу – стоя.

– А хорошее шампанское! – подкрутив усы, похвалил князь Серега. – Очень даже неплохое. Смею заметить – весьма неожиданно для нашей глуши. Где покупали? В селе?

Все по привычке называли Звенигородку селом, хотя вот уже девятый год сей населенный пункт считался вполне самостоятельным уездным городом, пусть и небольшим – проживало в ту пору в Звенигородке где-то около шести-семи тысяч человек. Для села – многовато, однако на город сие селение не походило никак. Пыльные улицы стелились самой что ни на есть деревенской раздольностью, дома обывателей утопали в садах, люди держали коров, коз, овец, гусей и прочую живность. Никаких мануфактур-предприятий не было, разве что купцы братья Окуловы разрабатывали невдалеке глину, нанимая у местных помещиков оброчных крестьян. Жизнь в новоявленном городе текла, как и встарь, по-деревенски неторопливо, без особенных новостей, зато со сплетнями, которые здесь, кажется, обожали все, не исключая гусар.

Водку и шампанское покупал самый младший, Сашка.

– У пана Верейского брал, в лавке.

– У-у-у! И все же шампанское у этого выжиги ничего.

Купец Никифор Верейский держал в Звенигородке лавку, где, кроме скобяного товара, появлялась частенько и водка, и вот даже шампанское.

– Интересно, где он водку берет? В Вильну ездит?

– За водкой, может, и в Вильну... А вот такого шампанского в Вильне нет, – со знанием дела промолвил князь. – Нет, нет, господа, это я вам говорю точно. Только за границей такое!

Корнет Сашка хлопнул в ладоши:

– Так что же, Верейский-то этот – контрабандист?

– Ну-у... может, не сам. Но с контрабандистами связан точно!

* * *

Через пару-тройку дней в полк вернулся отец-командир, Яков Федорович Ставицкий. В компании с ним приехал и капитан-исправник, отставной пехотный майор, присланный городничим для расследования дела об убийстве ребенка. Капитан-исправник отвечал за порядок в уезде и занимался расследованиями всякого рода криминальных проявлений. Однако должность сия была выборной, и в случае чрезвычайных ситуаций деятель сей мог рассчитывать лишь на команду ветеранов-будочников (инвалидов, как их называли) либо вот просить помощи людьми у командира расквартированной в уезде воинской части.

По сути, полиции в общепринятом понимании в Российской империи еще не сложилось. Имелось Министерство внутренних дел и подчинявшиеся ему «Управы благочиния» во главе с городничими. Ну и вот – инвалиды да капитаны-исправники, избиравшиеся из наиболее уважаемых дворян, прошедших воинскую службу. «Управе благочиния» подчинялись так называемые «полицейские части» во главе с приставом, каждая часть примерно на двести пятьдесят дворов. Части эти и приставы больше занимались охраной общественного порядка, нежели ведением уголовных дел. Для последнего как раз и существовал капитан-исправник.

Уже часа через два после приезда полковник вызвал к себе Давыдова, представив ему гостя:

– Вот, Денис Васильевич, господин Ратников Федор Петрович, бывший майор, ныне же – капитан-исправник. Прошу любить и жаловать. Будет заниматься тем мерзким делом... ну, ты знаешь. Все, что видел, ему изложи подробно... Можешь прямо сейчас...

– Лучше позже. В присутствии, – тут же отчеканил майор. – Я вызову сам... как вас, господин...

– ...ротмистр. Ротмистр Давыдов, Денис Васильевич, – наконец, представил гусара командир.

Сказать по правде, присланный деятель как-то не производил впечатления умного и знающего законы человека, способного разбираться в уголовных делах. На вид так чистый солдафон – «слуга царю, отец солдатам». Коренастый, длиннорукий, с квадратным, тщательно выбритым подбородком и бесцветными глазками усердного и недалекого служаки, сверкавшими под маленьким

покатым лбом. Да! Еще брови – кустистые, выцветшие, большие хрящеватые уши и вислый, как баклажан, нос. Тот еще портрет – никакой тебе изящности, утонченности... и никакого проблеска мысли. Такой нарасследует, ага.

Ратников прямо там и поселился – в присутствии или, как его называли по-старому, – «в съезжей избе» – двухэтажном деревянном доме, выстроенном специально для всяких административных надобностей. Архитектор, как видно, был не чужд высоких исканий, аляповатые деревянные колонны и портики несколько напоминали модный стиль ампир, а вырезанные из дерева завитушки – барокко или, верней, рококо.

Как бы то ни было, а к приходу Давыдова доблестный капитан-исправник сменил дорожное платье на черный сюртук и темно-красный шейный платок-галстук, отчего стал похож на директора пионерского лагеря времен позднего СССР. Восседа за широким, крытым темно-зеленым сукном столом, следовательно успел нацепить нарукавники и, кивнув вошедшему Денису на стул, окунул перо в бронзовый чернильный прибор, изображавший то ли троянского коня, то ли бескрылого Пегаса.

– Ну-с, молодой человек... Рассказывайте.

Гусар рассказал все, насколько мог – подробно, и даже присовокупив к своему рассказу аккуратно вырезанные из «поэтической тетради» листки с «протоколом осмотра».

Губернский гость выслушал Давыдова не перебивая, с каменным лицом, и даже благосклонно соизволил принять «протокол», за который, правда, почему-то забыл поблагодарить. Ну, солдафон – солдафон и есть, что уж тут скажешь! Тем более – пехота. Был бы хотя бы драгун, кирасир, улан... Впрочем, в кавалерии таких истуканов не держат.

Дня на три Денис и думать забыл о капитане-исправнике, некогда было – полк отправился на небольшие осенние маневры. Скакали, рубили, стреляли – уставали так, что никаких мыслей в головах не оставалось. По возвращении же в полк отец-командир вновь вызвал Давыдова к себе в кабинет.

– Помнишь капитана-исправника? Ну, того майора?

Еще б не помнить, ага... Интересно, что он там нарасследовал?

– Так вот, Денис Васильевич... Убивца он, похоже, нашел. Арестован Лазарь Рабинович, шинкарь. Ну, ты его знаешь.

– Дядько Лазарь? – удивился гусар. – Это ж добрейшей души человек! Однако... что же, шапка, выходит, его?

Полковник покачал головой:

– Не ведаю, что там за шапки, а вот тебя, милый друг, капитан-исправник вновь видеть желает. Не знаю уж и почему.

– Желает – загляну, мне не трудно, – повел плечами Денис.

– Вот-вот, загляни. Потом обо всем мне доложишь.

Молодой человек нынче не торопился. Почистив коня, отобедал с товарищами, естественно, не без вина. Потом так же, не торопясь, переоделся – сменил сорочку, да еще потом дожидался, пока Андрюшка-слуга почистит как следует ментик да наваксит кивер. Хотя, конечно, можно было явиться к сыскному в плаще и полотняной фуражке... Но все ж нужно было показать, что есть гусар!

Привязав лошадь у крыльца, Денис Васильевич легко взбежал по крыльцу и, кивнув вытянувшемуся во фрунт инвалиду, вошел в присутствие. Все тот же кабинет с большим столом нынче чуток обновился – над высоким креслом чиновника повесили поясной портрет государя-императора Александра Павловича. Пусть старый и засиженный мухами, но все-таки. Странно, почему это он раньше тут не висел?

– Непорядок, – перехватив взгляд гусара, соизволил прояснить Ратников. – Казенное присутствие – и без портрета государя. Впрочем, кажется, вы его не очень-то жалуете.

Денис тут же вспыхнул:

– А вам какое до того дело, любезный? Вас что, за мной прислали следить?

– Ну-ну, ротмистр, не хорохорьтесь, – капитан-исправник, казалось, ничуть не обиделся... или у него просто всегда было такое непроницаемое лицо. – Признаюсь, я навел о вас справки.

– Справки?! Вот как!

– И вовсе не потому, что прислан за вами следить, как вы почему-то подумали. Наоборот, господин ротмистр... я смею просить у вас помощи!

– Помощи? – Гусар ошарашенно заморгал. Вот этого он уж не ожидал никак.

– Именно так, – наклонил голову Ратников. – Помощи в расследовании дела.

– Но... вы же, кажется, уже нашли убийцу... арестовали Лазаря, шинкаря...

– Да, арестовал, – неожиданно хмыкнул следователь. – Однако какой из этого шинкаря убийца? Тихий добродушный старик. Он и мухи не обидит.

– Но вы же...

– Однако же все улики – против него... Я прочел все ваши описания, господин ротмистр. Смею заметить – толково, и весьма, – следователь прищурил глаза. – Так поможете?

– Ну-у... – Дэн задумчиво покачал головой. – Я, конечно, польщен, но... Решительно не вижу, чем бы я смог помочь столь опытному господину? Да и, знаете ли, у меня служба вообще-то.

– Со службой вопрос решим, – решительно молвил Ратников. – Вы нужны мне, очень нужны, господин ротмистр! Видите ли, я здесь – весь на виду, словно голый в бане. Городок маленький, чужого человека приметят все. А вы... вы здесь уже, можно сказать, свой, везде вхожи... Да и кто и подумает на гусара? Где гусары – и где мозги?

– Эй, эй, любезнейший! – Денис снова полез в бутылку. – Полегче о гусарах, полегче!

– Прошу извинить, если вдруг чем-то обидел, – замахал руками капитан-исправник. – Только поймите – дело страшное, а зацепок никаких. Лишь бедолага шинкарь. Я и арестовал-то его только потому, чтоб все думали, что дело слажено, убийца найден.

– А сие не так?

– Я же уже сказал! Так как?

Подумав, Дэн согласился. С радостью! Коль уж представилась вдруг возможность поработать «по специальности», так почему бы и нет? Тем более такое резонансное дело. И старика Лазаря, конечно, было жаль... Оставалось лишь выйти на настоящего убийцу, найти.

– Но я должен иметь доступ ко всему ходу следствия, – соглашаясь, предупредил Денис. – Иначе как же я смогу...

Следователь пожал плечами:

– Что смогу – покажу. Извольте.

Со следующего утра Денис Васильевич Давыдов приступил к исполнению своих новых обязанностей. Как и обещал Ратников, с полковником Ставицким никаких проблем не возникло, Яков Федорович даже рад был – и впрямь весьма резонансное дело, весьма!

Об убитом мальчике по всей Звенигородке ходили уже самые разные слухи. Поговаривали, что ребенка убили евреи в своих ритуальных целях, а именно – замесить на детской крови свою ритуальную лепешку – мацу. Кто такую ересь придумал, было не ясно, однако сплетни ходили упорные.

– И они не сами собой появились, отнюдь, – специально подчеркнул капитан-исправник. – Кто-то все это придумал, распространил... и весьма, надо сказать,

активно.

Приемы информационной войны изучались в академии факультативно, тем не менее кое-какое представление о них Денис все же имел и ныне четко представлял: Ратников прав абсолютно. Слух о ритуальном убийстве именно что вбросили... Кто и зачем? Кому нужно было подставить невинного старика, не особенно и богатого, между прочим?

Какое бы то ни было алиби, кстати сказать, у дядьки Лазаря отсутствовало напрочь. Его супруга Сара еще с неделю назад уехала погостить к родственникам в Житомир, да так еще и не вернулась. Никаких слуг в шинке не было, старик со всем управлялся один, так что где был, что делал – никто подтвердить не мог.

Все улики были против. И злополучная, найденная возле трупа шапка действительно оказалась принадлежавшей шинкарю, но «третьего дня затерялась», как пояснил сам Лазарь. Старик признал свой головной убор сразу – именно по надписи:

– Таки да – моя. Видите эти буквы? Это же мне подарил житомирский раввин, ребе Исаак! Не помню уже, на какой праздник.

Кроме всего прочего, на кухне, под столом был найден окровавленный разделочный нож и окровавленные же лохмотья – одежда убитого мальчугана. И что оставалось делать следствию? Какие выводы делать?

Однако же и Давыдов, и капитан-исправник, отставной майор Федор Петрович Ратников, были убеждены, что старик-еврей не имеет к этому убийству никакого отношения.

– Шинкарь ведь далеко не глуп, – вслух полемизировал сам с собой капитан-исправник. – И коли уж пошел бы на такое дело, так уж всяко обставился бы так, чтоб и комар не подточил носа. И нож бы выбросил, и одежду окровавленную сжег бы, уж никак на своей кухне бы не оставил. Какие-то ошибки, бесспорно, допустил бы, но не такие грубые. Косвенно свидетельствующие, что старик невиновен.

Рассуждая вслух, почти сам с собою, старый майор преобразился. И глаза его уже никак нельзя было назвать бесцветными, по сути, перед Денисом вдруг воочию представился истинный облик капитана-исправника: не только добросовестного служаки, но и человека умного, тонко чувствующего, мало того – одаренного!

– Конечно, можно сказать, что шинкарь уж так хитер, что на то и рассчитывал... Однако это было бы уже слишком, обычно в жизни так хитро не складывается... Ну что, Денис Васильевич? Что там свидетели? Узнали от них хоть что-нибудь новое?

– Практически ничего, – махнул рукой Дэн. – Да, видели в лесу и телегу, и возницу, закутанного в плащ-пелерину, да еще с поднятым капюшоном. Внимание особого не обратили, мало ли кто едет? Все-таки – тракт. Да и дождало тогда изрядно. Из-за дождя да тумана возницу как следует не рассмотрели. Старик, молодой – бог весть.

– И все же я вижу, у вас глаза горят! – Федор Петрович неожиданно рассмеялся и погрозил гусару пальцем. – Э, батенька! А ну-ка, выкладывайте, что вы еще удумали? Кого намереваетесь допросить?

– Так ребятишек же! – усмехнулся Дэн. – Там компания дворовая... вместе бегает, играют. А заправилкой – вы удивитесь – девчонка! Лидкой зовут, от роду четырнадцати лет – можно сказать, уже барышня.

– Насчет девицы не удивлен, – Ратников покряхтел и, спрятав улыбку, пояснил: – Супружница моя, Марья Даниловна, как раз вот из таких заводилок. В отрочестве прямо парень в юбке была! Да и сейчас, хоть и постарела, да, бывает, такое учудит... Впрочем, не о ней нонче речь. Значит, барышня, говорите? Ребятня? Ну, дерзайте, ну-ну...

Договорить коллеги по розыску не успели. Неожиданно явившийся пристав путано доложил о новом трупе, на этот раз – девичьем:

– Барышня там это... в пруду. Не поймешь, то ли сама утопла, то ли помог кто.

– Утопленница, говоришь? Вот как... – капитан-исправник проворно выбрался из-за стола и призывно махнул рукою. – Ну что, Денис Васильевич? Однако поедем

поглядим, а?

* * *

Пруд оказался маленьким и заросшим тиной до такой степени, что топиться в нем можно было бы лишь при отсутствии всякой брезгливости. Квадратный, размерами метра три на четыре, и глубиной – тут же измерили – метра полтора, пруд сей, как видно, был когда-то гордостью своих владельцев, однако ныне же совсем пришел в упадок. Верно, как-то уж стало не до него.

Хозяин пруда и участка проживал здесь же, в старом доме, как у всех здешних помещиков, выстроенном в виде длинного проконопаченного сруба под тесовой крышей. При всей своей внешней убогости видно было, что дом недавно ремонтировали, починили и крышу, и крыльцо, и даже придали благообразный вид крохотному палисаднику, выходявшему прямо на деревню Вороново. Пруд же находился на заднем дворе, и до него пока что не дошли руки.

Утопленница лежала в воде лицом вниз, так что была видна лишь спина в обтягивающем платье.

– Ну, вытаскивайте, вытаскивайте, чего встали? – капитан-исправник махнул рукой инвалидам, и те, зацепив труп багром, вытащили его на старые мостки из местами прогнивших досок.

– Переверните теперь... ага...

Это была вполне молодая особа лет двадцати – двадцати пяти на вид, с приятным – даже в таком вот виде – лицом и темными, распущенными по плечам волосами. Платье с широкой юбкой и большим вырезом – явно городского пошива – наталкивало на мысль, что утонувшая мадемуазель – девушка из общества. Хотя...

– Гребень-то у нее дешевенький, – Денис деловито склонился над трупом, – да и колечки так себе – медь. Думаю, и драгоценные камни в колье тоже ненастоящие... ну-ка... ну-ка...

Осторожно сняв с утопленницы колье, молодой человек взял в руку подвернувшийся камень и сильно ударил по одному из камней... тут же и расколовшемуся на мелкие осколки.

– Однако бутылочное стекло, господа! Да! Поищите-ка шляпку... хотя, полагаю, и она того же пошиба.

– Да, платице дешевое, – согласно покивал Ратников. – Но с претензией. Здесь, у нас, так не шьют. Что имеем на первый взгляд? Некую молодую особу, желавшую казаться дамой из света, но таковой вовсе не являющейся. А ну-ка, разденьте-ка ее... Да осторожно!

– Судя по коже, она вряд ли пролежала тут больше суток, – Дэн глубокомысленно покусал ус. – Разложение еще не началось, эпидермис не отслоился... Скорее – с ночи или даже с утра.

– Вижу, вы разбираетесь в медицине, господин ротмистр, – тут же отреагировал Федор Петрович. – Ну-ну... что еще скажете?

Инвалиды быстро освободили труп от одежды... И тут все стало ясно. Под левой грудью несчастной зияла еще кровавая рана.

Капитан-исправник тут же глянул на инвалидов:

– Однако надо пошарить в пруду да и вокруг. Нож ищите... или что-то подобное. Да! К дому караул приставили?

– Приставили, вашество! Как и приказывали, – доложивший ветеран лихо выпятил грудь.

– Ну, молодцы, молодцы... Денис Васильевич! Однако пойдем в дом, посмотрим... Чей дом, кстати?

Инвалид отозвался тут же:

– Некогого Кузьмы Федосыча Воронова, помещика местного. Не из крупных, так, мелкота – всего-то крепостных с полсотни душ.

– Да, негусто... Однако откуда же деньги на ремонт? – Ратников постучал тростью по резным балясинам крыльца. – Вся вот ажурность эта, стекла новые, тес... Немаленьких денег стоит. Ну, однако ж заходим, заходим... Митрич, давай-ка под окна – вдруг да выскочит, побежит?

– Ужо не убежит, ваш-бродие! – добродушный ветеран Митрич лихо подкрутил седые усы.

– И этих, отроков этих, давай сюда. Тех, что утопленницу заметили.

Денис первым вошел в темные сени, на ощупь нашел дверь, толкнул... В прихожей стоял стол со скамьей и пятью гнутыми венскими стульями да изрядных размеров печь, покрытая изразцами.

– Стол-то не для таких вот стульев, – с ходу оценил следователь.

– Да и печь старая, – покивал гусар. – Однако изразцы...

– И стулья – рублей по пяти, по десяти за штуку будут...

– Я по двенадцати брал!

В дверях, точнее сказать – в дверном проеме, ведущем в анфиладу комнат, – возник некий вполне молодой джентльмен, сильно напомнивший Дэну хрестоматийного персонажа картины художника Федотова «Свежий кавалер». Такое же напыщенно-помятое лицо, горделивая поза, шелковый весьма недешевый шлафрок до самого пола, подпоясанный длинным шнуром с кистями. Только на голове не папильотки, а ночной колпак.

– С кем имею честь? – Серо-голубые, слегка навывкате, глаза молодого человека вовсе не лучились дружелюбием... что, в общем-то, было понятно.

Вошедшие представились, и капитан-исправник, в свою очередь, уточнил:

– А вы, значит, Кузьма Федосыч Воронов, помещик?

– Он самый и есть. – Джентльмен повел плечом и вспыхнул. – Какого черта ворвались ко мне, господа? Прошу... нет – требую! Объяснений.

– Получите, – пообещав, Ратников незаметно ткнул локтем Дениса. – Поговорите-ка быстренько с мальчишками, ага.

Ага...

Давыдов вышел на крыльцо и уселся на лавку, тоже, как видно, недавно поставленную, еще светлую. Инвалиды подвели ребят, двух сопленосых отроков лет по десяти-двенадцати. Оба чем-то похожи – худые, темноволосые, смугленькие – правда, видно, что не цыгане. Так что не смуглые – загорелые просто, и светлые у обоих глаза. Один чуть повыше, постарше, да получше одет – длинные порты, косоворотка с кушаком. Второй – в сермяге залатанной, оба – босы. Детишки-то крестьянские, ясное дело – до снегов босиком ходят.

– Ну, чьих будете? – покровительственно улыбнулся Давыдов.

– Местные мы. Кузьма Федосыч Воронов – барин наш, – ответил за двоих тот, что постарше.

Младший лишь шмыгнул носом и кивнул.

– Однако пусть так – местные. А что в барском пруду забыли?

– Там, господине, караси раньше водились. И посейчас еще есть. Ей-богу, вот такие караси! – парнишка развел руками с видом бывалого рыбака. – Ловить только – навозишься. А Кузьма Федосыч нам разрешает. Поймаем одного – ему, поймаем двух – один нам.

– Угу, – задумчиво протянул гусар. – Вот оно как. Значит, добрый барин-то ваш?

– Ага, господин. Добрый. Если и велит выдрать – так за дело. И никого на сторону не продает.

– О как – не продает! – Денис оживился. – Это почему же?

– А ему самому людишки нужны, – довольно пояснил отрок. – У барина нашего – каменоломня на двоих с братом евоным, Мефодием Федосычем. Камень добывают... как его... гранит, во!

– Гран-и-ит! Надо же! И куда ж он его продает?

– Да много, господине, куда. И в Киев, и в Херсон, и в Одессу!

Давыдов искренне удивился:

– Ого, да вы и географию знаете!

– А чего ж! – мальчишка подбочился. – Нас дьякон Филипп учит. Барин сказывал, коли выучимся, приказчиками станем. В Одессу нас с гранитом пошлет. Или в Киев.

– Завидно! – от души рассмеялся гусар. – Вот, ей-богу, завидно. Гляжу, повезло вам с барином, парни. Теперь поведайте-ка, как вы утопленницу нашли.

– Да что говорить? – отроки переглянулись. – Пришли с утра на пруд – а тут...

– Когда именно с утра? – тут же уточнил Дэн. – Солнце уже поднялось или только-только начинало.

– Рано было. В церкви едва колокола отзвонили.

– Ну-ну-ну! – подогнал гусар. – Говори, говори... Звать-то тебя как?

– Федька. А это братец мой, Микитка. Так я и говорю... Мы сразу – к барину, стучались, стучались – не открывает. Один ведь. Слугу-то, дядьку Финогена, он еще вчерась в город послал, а другой слуга, Ерошка, приболел – в избу к родне подался, на лечение.

– Хм... однако негусто у барина вашего со слугами, негусто.

– Так на каменоломне ж все!

– Итак... Увидели утопленницу, бросились к барину, барина не добудиться... Что дальше?

– А дальше мы дьякона встретили, отца Филиппа. Ему и рассказали, а уж он...

– Понятно с вами все.

Денис потер ладони и, поднимаясь с лавки, спросил:

– А никого чужого вы тут рядом не видели?

– Дак не видели...

– А вчера, вечерком? Ну, к примеру, дамочку эту?

– Не-а. Мы вчерась за деревнею, на полях, солому старую собирали.

Отпустив ребят, гусар вернулся в дом. Усевшись на венский стул, Ратников как раз допрашивал подозреваемого, изрядно, кстати, нервничающего. Видать, узнал уже, что к чему.

– Да говорю же, не было у меня вчера никаких женщин! Никаких – ни молодых, ни старых. Да бог знает, откуда она в моем пруду взялась. Может, мимо шла, да... А я ничего не видел, не слышал – спал.

– Спали они... хм...

– Так-таки крепко спали? И часто вы так? – с молчаливого разрешения капитана-исправника Дэн тоже задал вопрос.

– Нечасто! – глянув на гусара, подозреваемый почему-то вздрогнул и опустил глаза.

Впрочем, можно было понять – почему. От стыда – от чего же еще-то! Как многие помещичьи дети, верно, еще с рождения был приписан к какому-нибудь полку,

может, даже и к гусарскому. Только не служил, а числился, да потом и вовсе службу оставил, вернулся в родные места да занялся хозяйствованием.

– Нечасто! Вы понимаете, господа, до скотского состояния я вообще никогда не напиваюсь! Никогда. Дело у меня – каменоломня, договоры, поставки... Некогда пить! Тем более сейчас, когда старший брат мой, Мефодий, уехал с делами в Киев. Я ж за старшего нынче, за все отвечаю, так!

– Вот, верно, и расслабились!

– Да что вы такое говорите?! – вскинулся молодой человек. – Вы... вы на каком основании... вы... Я городничему жалобу подам, вот!

– Подадите, подадите. Ваше право, – Федор Петрович развел руками и поднялся со стула. – А теперь, любезнейший господин Воронов, мы произведем в вашем доме обыск.

– Что-о?

– И ежели намереваетесь оному воспрепятствовать, то не советую. Не получится, а свое положение сим еще более усугубите.

Голос капитана-исправника звучал грубо и четко, истинно по-военному, не оставляя никаких сомнений в том, что следовательно намерен исполнять порученное ему дело до конца.

– Итак... начнем с кухни.

Именно на кухне и нашлось все самое интересное! Прямо за печкою обнаружился женский плащ-пелерина, а на самой печке – заколка. Медная, с позолотой и теми же бутылочными брильянтами, что и на колье.

Плащик, кстати, был еще мокрватый...

– А нонче-то ночью немного дождало, ага...

– Тут еще и вино, господин капитан-исправник, – отворил залавок вислоусый ветеран.

– Денис, гляньте.

– Ну-ка, ну-ка... Вино! И два бокала... – гусар принялся. – Шампанское... даже и не скисло, свеженькое. Вчера и открыли, и выпили. А бокалы-то и не помыли даже. Ну да, слуги-то отпущены, некому мыть. Вон и помада на оном... – Денис посмотрел бокал на свет. – На собачьем сале – жирная... А говорите – женщины не было! Как вас понимать, господин Воронов?

– Не было женщины! – обернувшись к висевшей в углу иконе Николая-угодника, Воронов истово перекрестился и с искаженным от злобы и ужаса лицом взглянул на допрашивающих. Губы его скривились, словно от зубной боли, тонкие холеные усики задрожали:

– Чем хотите клянусь... Памятью покойной матушки... здоровьем племянниц... Один я был! Один!

– А соседи говорят, видели, как вас вчера на коляске привезли! – вскользь заметил Ратников. – Вели, говорят, под руки.

– Не помню я коляски. Вообще ничего не помню!

– Ну, вот видите. Могли и даму не вспомнить.

Помещик взъерошил волосы руками, зябко поежился и простонал:

– Да поймите же вы! Никого я не убивал, не было никакой женщины...

В этот момент в окно постучали. Прямо с улицы, со двора. Капитан-исправник поспешно распахнул окно:

– Что там такое, Митрич?

– Нож, господине, нашли. Прямо тут, под оконцем, в репейнике. И лезвие – в пятнах кровавых.

– Ну, насчет кровавых – это надо еще посмотреть. Давай-ка нож сюда, живо.

Воронова арестовали сразу же и пока поместили в присутствие, в арестантскую комнату, где уже дожидался своей участи незадачливый шинкарь Лазарь. Федор Петрович довольно потирал руки, а вот Денис покуда от этого дела отстал – необходимо было закончить старое. Установить личность убитого мальчика и найти наконец-то истинного убийцу.

Начал Дэн, как и планировал, – с опроса малолетних свидетелей, тех, кто все же мог видеть хоть что-то. Хотя бы теоретически мог.

Дворовая «атаманша» Лидка оказалась худой долговязой блондинкой с милым личиком и едва оформившейся грудью. Вышитая сорочка из выгоревшего на солнце холста, широкая синяя юбка, башмачки свиной кожи, простенькие, но с претензией бусы, и даже серебряные сережки в ушах. Еще бы! Девушка-то была вовсе не из крестьян, и не из мещан даже. Единственная дочка некоего Епифана Андреевича Мирского, служащего местной почты, вдовца, на склоне лет дослужившегося до небольшого чина провинциального секретаря, но богаче от этого не ставшего. Епифан Андреевич души не чаял в единственной дочке и ни в чем ей не отказывал, хоть и не было в доме никакого достатка. Так, как и многие местные помещики из мелкоты, перебивались с хлеба на квас. Собственный огородик, плюс небольшое жалованье – на скромную жизнь хватало, а о большем Епифан Андреевич не мечтал. Разве что – о счастье для дочери, да и тут было все вилами по воде писано. Замуж бы... Да кто ж возьмет бесприданницу? Разве что какой-нибудь совсем уж старый помещик, тоже вдовец, или нищий молодой ловелас. Ловеласа никак не хотелось бы, а вот помещик вполне бы подошел... Только, увы, пока никто на Лидочку не заглядывался... исключая местных мальчишек – уж для тех-то она была истинною звездой!

Все это поведал заглянувшему в гости гусару сам провинциальный секретарь, выказывая свое самое искреннее радушие. Еще бы – такой человек! Говорят, из самой столицы, из гвардии... да еще за стихи сосланный! Опасно с таким общаться. Опасно... и лестно, ой как лестно! Будет потом о чем соседям-помещикам рассказать.

– А вот и дочка! – заслышав шум на крыльце, Епифан Андреевич улыбнулся и принялся суетливо хозяйничать на столе, потчует гостя. – Вот, отведайте-ка, огурчиков соленых! А вот, извольте, капусточка. А вот репа... Сейчас – по чарочке, а потом – щи... Лидочка, давай же скорее к столу! Вот тебе шей... кушай... Это вот Денис Васильевич, наш гусар и ныне к следственному делу приставленный. Поговорить с тобой хочет.

– Ой... – усевшись за стол, девчонка хлопнула ресницами, длинными, темными, пушистыми... А глаза... глаза голубые, большие, чудные! И прямой носик, и нежный, оставшийся с лета, загар, и чудные ямочки на щечках. Год-другой – и настоящая красавица подрастет, распустится, словно волшебный бутон... Его б тогда и сорвать... Тьфу ты, тьфу ты, охолонись, гусар!

Отругав сам себя за внутреннюю несдержанность, Денис сделался сама любезность. Улыбнулся, лично поухаживал за девушкой, тарелку, хлеб передал...

Красавица! Денис только сейчас это и заметил, к стыду своему. Эх, какая все-таки красавица будет. Однако судьба у нищей бесприданницы незавидная. Замуж за богатого старика... и то – это если повезет, а то ведь так и просидишь в девках. В четырнадцать-то лет уж пора бы если и не замуж, так жениха иметь, иначе-то уж совсем неприлично.

– Осмелюсь спросить, Денис Васильевич... у вас не Давыдов фамилия? – Стрельнули на гусара девичьи голубые очи, с большим интересом стрельнули, так, что Дэн едва не покраснел.

Однако отозвался охотно:

– Да, Давыдов.

– Тот самый? Ой! А стихи свои почитайте! Ой... извините, я, верно, такая нахалка, да?

– Стихи... – Денис откашлялся. – Отчего же не почитать? Извольте!

Политические, из-за чего из гвардии выгнали, читать, конечно, не стал – обошелся гусарскими, вызвавшими целую бурю восторга.

– Ах, как славно, славно как! Денис Васильевич, а можно... – Пушистые ресницы дернулись деланой скромностью. – ...А можно я ваши стихи в альбом запишу? Вы мне только, пожалуйста, продиктуйте, а я...

– С большой радостью, мадемуазель Лидия. Хоть вот прямо сейчас.

Дэн тут же подавил некую псевдостойличную гордость, неуместную нынче иронию – вот, дескать, всю жизнь мечтал попасть в альбомы уездных барышень! Да почему бы и нет? Вот она – слава.

Тут и хлебосольный хозяин подоспел:

– Вот, извольте отведать – щи.

Щи оказались пустыми, хотя неделя-то выпадала скоромная, никакой не пост и не пятница вовсе. Бедновато жил господин провинциальный секретарь, чего уж! Хоть и дворянин, а едва концы с концами... Служанка, правда, имелась – копошилась на кухне, щей, вот, принесла, наливочки, солений. Все свое, на покупные деликатесы денег не было. Да что там деликатесы, мясо, шампанское – на простенькое платье любимой дочке – и то! Ходит вот в юбке, словно простая селянка... Хоть и бусы, и вышивка – а все же не платье, все же не то! На бал ведь не отправишься в юбке. Да и позовут ли хоть когда-нибудь в жизни на бал?

Давыдову вдруг стало остро жаль эту девочку, лишенную всяких жизненных перспектив. Куковать одной в девках или, хуже того, сделаться женою какого-нибудь купца, не дворянина, нет – никто не возьмет бесприданницу. Впрочем, можно еще не куковать в девках, а стать любовницей какого-нибудь владетельного господина. От него можно и детей заиметь... и какое-никакое имущество. Правда, чревато, чревато... Однако что же делать-то? А нечего делать. Либо так, либо эдак, и по-другому – никак.

– Ах, Денис Васильевич... Давайте за вас выпьем! За ваши несравненные стихи!

Наверное, с этой вот барышни, уездной бесприданницы Лидочки, и началось триумфальное шествие стихов Дениса Давыдова по всей Малороссии, а уж оттуда – и по всей стране. Да, наверное, так... Уж больно довольной и гордой выглядела Лида! Дэн даже хотел еще почитать ей стихи, не «свои», Асадова, про «красивую девочку Лиду». Хотел, но не стал. Слишком уж современные. Не поймет. Хотя... Лидочка выглядела девушкой вовсе неглупой.

Все же настал такой момент, когда наконец-то brave гусар смог перейти к деловой части своего визита. На все его вопросы девушка отвечала понятно и четко, если надо – с подробностями, если не нужно – нет.

Да, так уж случилось, что с самого детства она якшалась с мальчишками чуть младше ее. Заводила, сорвиголова, атаман в юбке. Пошарить по чужим огородам? Легко! Провырнуться по грибы в дальнюю рощу? Еще легче! На рыбалку, в ночное – пожалуйста. Это не говоря уже о всяких игрищах – в салочки ли, в камешки, в лапту... Не салонные все игры, отнюдь – и в них Лидочка была первой!

Все это, конечно, Дэн узнал не с ее слов и не со слов отца. Ребята поведали, подростки местные. Мальчик из бакалейной лавки купца Сытина, мальчик из лесопильной конторы господина Гвоздева, мальчик с сахарного заводика господина Лебенштейна.

Мальчишку убитого Лидочка видела! Естественно, еще до убийства. Чужой, не здешний, с каликами перехожими пришел. Калики те милостыню у церкви Петра и Павла собирали, а потом их купчиха Собакина зазвала – сказки читать. Малец вроде как тогда с ватагой к Собакиной и пошел... А может, и не пошел – кто бы знал-то? Не слишком-то кому надо за нищими мальцами наблюдать.

– У церкви Петра и Павла, говоришь, – уточнив, записал Давыдов. – Так-так, ладно.

– Я могу и получше узнать, коли надо, – вздохнув, девушка искоса взглянула на гусара и чуть зарумянилась. – Мне-то сподручнее, ребят в нашей ватаге не так чтобы много, а все ж везде крутятся, много чего подмечают.

– Вот-вот, – согласился Денис. – Узнайте. Ежели вас это не очень затруднит, мадемуазель. А еще разузнайте о том, кто в тот день заходил в шинок дядьки

Лазаря. Так вот ближе к вечеру, к ночи даже.

– К ночи – уж только самые пропойцы! – барышня засмеялась и задумчиво повертела на пальце локон. – А про какой день-то узнать? Ну, про ночь какую?

– Да третьего дня, верно. Да, именно так! Семнадцатого.

С Лидочкой договорились встречаться невядалеке от Звенигородки, в орешнике. Частые визиты гусара в дом ее папеньки неизбежно вызвали бы среди обывателей разного рода кривотолки и сплетни, не хотелось юную барышню подставлять.

Там и встретились, уже буквально на следующий день. Лидочка все доложила толково, буквально разложила по полочкам, что разузнала да как, так что гусар только диву давался – и как она своих пацанов организовать-то успела? Успела как-то. Не зря говорили – атаман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/posnyakov_andrey/sud-ba-gusara

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)